

АННА ПЛЯКА

Зови мене Закатом

12+

Анна Пляка
Зови меня Закатом

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пляка А.

Зови меня Закатом / А. Пляка — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-06782-0

Когда ты Темный властелин, твоя роль и прямая обязанность — держать людей в страхе. Совершать кровавые ритуалы, пленять принцесс, казнить героев. А еще — умирать. Раз за разом, без шансов на победу, потому что ты — зло, а зло должно пасть. Но всем однажды надоедает проигрывать.

ISBN 978-5-532-06782-0

© Пляка А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Темный Властелин неловко отступил, запнувшись о ступень трона. Выронил клинок, тяжело осел на пол, сглатывая поднимающуюся по горлу кровь. Рыцари света гордо вскинули мечи, провозгласили нестройным хором:

– Враг повержен!

Большинство клинков блестело не замаранной сталью.

Рыцари деловито разбрелись по залу, отдергивая гобелены и проверяя, не осталось ли в троне драгоценных камней. Кто-то наклонился подобрать амулет, веревочку которого перерубили во время боя. Темного Властелина пнули в бок так, что он скатился со ступеней, растянулся на истертом полу.

– Еще не сдох? Живучий!

Он следил сквозь прорези шлема, как старый рыцарь заносит меч. Ждал удара, но того отвлекли.

– Открыли!

Они заторопились в сокровищницу, надеясь разжиться куда большей добычей, чем одна побрякушка. Темный Властелин ухмыльнулся. Рыцарей света ждало жестокое разочарование.

– Господин? – из-за угла высунулся кончик конопатого носа. Убедившись, что опасности нет, верный шут подбежал торопливо, сорвал с головы цветастую шапочку, попытался зажать ей рану на груди.

– Оставь. Все равно умру.

– Зачем же вы, – бессильно всхлипнул шут, – их же двадцать было! А вы один. Ну зачем...

– Потому что я Темный Властелин, – едва слышный голос сорвался во влажный кашель. – Тащи. Ненавижу умирать от таких ран.

Шут метнулся к стене, сорвал гобелен, настолько выцветший, что мародерствующее добро на него не покусилось. Расстелил на полу, перетащил Темного Властелина на это подобие носилок. Неуверенно спросил:

– Может, все-таки подождать?

Его господин покачал головой. Ждать не имело смысла, наоборот, лучше исчезнуть сейчас, пока рыцари заняты вскрыванием пустых сундуков. Проверять, что они станут делать после этого, не хотелось.

Долгий путь по потайным лестницам слился в одну непрерывную тряску, выматывающую и беспокоящую раны. Чтобы отвлечься, он пытался вспомнить ошибки, совершенные за прошедшие годы. Так и не нашел ни одной, если не считать выхода против двадцати рыцарей света. Но тут уж он был не властен – он должен был хотя бы попытаться защитить замок. Осознание, что его убили бы в любом случае, помогало терпеть боль.

– Добро всегда побеждает...

– Что вы сказали, господин?

Он только знаком велел не отвлекаться. Шут погрузил его на кухонную телегу, высыпав лежавшие в ней яблоки. Сквозь пыльное, пахнущее прошлым летом сено, которым его заботливо укрыли, Темный Властелин видел нервных белых лошадей с алыми плюмажами, подбигающих раскатившееся по двору угощение.

Черный конь Злодей, хрустя отвоеванным яблоком, позволил себя запрячь, и они направились к воротам.

Телегу трясло, так что когда спустя несколько часов шут с извинениями свернул на совсем уж отвратительный проселок, Темный Властелин уже не слышал его. Зло вновь пало.

Но миру нужно зло. Нужно для того же, зачем нужна зима, ночь или тени. Зло не имеет права умирать надолго, и потому он воскрес следующим вечером, когда закат окрасил багрянцем старый алтарь на холме в стороне от дорог.

Человек лежал на холодном камне, шурясь на розовые облака и наслаждаясь отсутствием боли. Небо успело потемнеть на востоке до глубокого фиолетового, прежде чем он наконец сел, позволяя неохотно бьющемуся сердцу разогнать кровь по жилам. Поднял аккуратно сложенную рядом одежду, скользнул ладонью по очередной латке на груди.

– Хватит ее зашивать, Пай.

– Так новую же купить не на что, – отозвался сидящий на земле шут. Поднял голову, улыбнулся застенчиво. В руках его блестела выправленная и начищенная корона. Когда только подобрать успел, слетела же во время боя... Шут попросил, протягивая ее: – Возьмите, господин.

Он взял. Повертел, поднял к заходящему солнцу, рассматривая черные зубцы.

– Темный Властелин. Опять, – сказал – как сплюнул, скривившись от горечи во рту. Вспомнил пустую сокровищницу, бросил взгляд на рубаху – напротив сердца латка на латке. И с размаха зашвырнул корону в кусты. Пай, ахнув, бросился за ней.

Когда шут вернулся, бережно прижимая к груди свою находку, его господин уже заканчивал одеваться. Спросил, не оборачиваясь:

– Ты не помнишь, как меня звали?

– Темный Властелин, – недоуменно пожал плечами Пай. – Как же еще?

– А до того?

– Не знаю, господин. Наверное, никак.

– Никак? – он покачал головой, – Нет, вряд ли. Мне нужно имя, Пай.

Шут всплеснул руками, не понимая, чего от него хотят.

– Так коронуйтесь! Будете Темным...

– Хватит.

Под его холодным взглядом Пай съежился, словно пытаясь спрятаться. Даже зажмурился от страха, но корону обнимал так, будто она была котенком, которого требовали оставить в лесу. Его господин, поморщившись, отвел взгляд. Натянул сапоги, бесцеремонно опираясь на алтарь, накинул на плечи плащ. Брезгливо уронив в траву фибулу в виде зубчатой короны, огляделся, выбирая. Велел:

– Будешь звать меня Закатом.

– Но...

– Или господином, если тебе так привычней. Но для других я – Закат. Не Темный Властелин.

И зашагал по едва заметной тропинке вниз с холма, туда, где сквозь деревья виднелись телега и конь.

Решиться было легко, куда сложнее понять, как жить иначе. Всегда он возвращался в разграбленный замок, подсчитывал убытки. Таился, сколько позволяли припасы, затем объезжал ближайшие деревни и все шло, как предначертано, по одному пути. Сделав первый шаг, короновавшись, он уже не мог свернуть – традиции держали его крепче, чем держит колея телегу, катящуюся с холма.

Сейчас правила были нарушены. Он не стал Темным Властелином, оказался в стороне от своего обычного пути и не знал, кто он теперь. Присвоенное имя болталось в пустоте, не вызывая никаких чувств, кроме, разве что, пустого злорадства оттого, что оно – другое.

– Надо бы остановиться на ночь, господин...

Пай шел позади, след в след, ведя в поводу коня, все еще запряженного в телегу. Верный шут не терял надежды, что его господин одумается и все пойдет как должно.

– Хорошо, мы остановимся. – Сумерки действительно сгущались, и Закат замедлил шаг, оглядываясь. Мир всегда помогал ему первые годы после воскрешения, подсовывал тихие деревушки, покорных людей. Так бросают кость собаке, послушно следующей приказам. Когда-то мир расщедрился на верного шута – после того, как даже кости, оставшиеся от сожженного тела, истолкли в прах, и с алтаря он встал лишь спустя полную луну, слабый, как новорожденный. Но сейчас на глаза не попадалось ни хижины, ни костра дровосеков, ни даже захудалого стога.

Закат на мгновение зло оскалился, но тут же успокоился. Даже улыбнулся. То, что его не собирались награждать, означало, что глупая на первый взгляд выходка сработала.

Пай едва не налетел на внезапно остановившегося Заката.

– Будем ночевать здесь. Распрягай Злодея.

Шут огляделся. Они стояли на краю крохотной полянки, чьим единственным достоинством была разлапистая ель, которая могла с горем пополам защитить от дождя, случись ему начаться. Привыкший к удаче своего господина Пай ожидал большего, но вопросов задавать не стал. Освобожденный от упряжи конь фыркнул, развернулся, сунув морду в телегу, напоминая людям о том, что на привале нужно не только спать.

– Ты умеешь охотиться? – если бы у них был лук или арбалет, Закат смог бы подстрелить дичь, но о силках знал лишь, что они существуют и ими в принципе можно поймать зайца на ужин. Увы, у шута отношения с охотой были не лучше:

– Нет, господин. Но я припас немного хлеба и яблок. А еще кремень, веревку, нож... – Первое яблоко, извлеченное из полотняной торбы, тут же ухватил конь, раскусил, сочно хрупя. Пай отмахнулся от наглеца, спасая остальные продукты, Закат только хмыкнул, погладил Злодея по бархатистой шее, забрал сумку.

– Давно готовился?

Шут испуганно помотал головой. Будь на нем колпак с бубенцами – звенели бы на весь лес.

– Что вы, господин, я вовсе не...

– Молодец.

Пай понурился. Конечно, он готовился. Шутка ли – десять лет жили без бед, дольше не бывало! Что-то должно было случиться, не рыцари, так какой-нибудь мальчишка, больной бабкой науськанный, напал бы со спины. Так всегда было, так должно было быть, и от того, что за эти годы господин не провел ни одного кровавого ритуала, не сжег ни одну деревню, ничего не менялось.

Пай украдкой посматривал на него, уже распотрошившего котомку. Закат почувствовал взгляд, поднял голову, кинул шуту пару яблок, которые тот поймал на лету. Предупредил:

– Не вздумай короновать меня во сне.

– Что вы, я бы никогда... – слишком поспешно возмутился шут.

– Не лги мне, Пай.

Тот оскорбленно вздернул подбородок. Дожевав яблоко, Закат требовательно протянул руку.

– Отдай корону.

Пай опешил. На мгновение его лицо засияло улыбкой, затем сморщилось в гримасе обиды, когда он уловил ход мыслей своего господина. Все это было так явно и просто, что Закат рассмеялся.

– Отдай. Все равно не удержишься, сделаешь глупость.

Пай упрямо сидел на месте, не шевелясь, и пришлось самому разыскивать корону в телеге. В сумерках она казалась странным черным пятном, тьмой среди тьмы. Подхватив ненужный символ власти, Закат расстелил плащ на ковре иглицы у корней дерева и вытянулся на нем, подложив под голову изрядно отощавшую котомку.

– Господин, мне больно смотреть, как вы сдаетесь, – в голосе Пая слышалось отчаяние. Закат удивленно обернулся к нему, переспросил:

– Сдаюсь? – усмехнулся, изучая печальную физиономию шута. – О нет, Пай, я вовсе не сдаюсь. Мне всего лишь надоело умирать.

– Разве это не значит сдаться? – не понял тот.

– Нет. – Закат зевнул, прикрыв рот ладонью. Уже совсем стемнело и тело явно напоминало, что смерть не заменяет сон. – Я объясню тебе завтра. А пока поверь своему господину. Я не сдаюсь. Но и Темным Властелином быть больше не намерен.

– *Твое последнее слово?*

– *Тебе не победить, Темный!*

Смех. Низкий, вибрирующий, от которого верные слуги бледнеют и отворачиваются. Но не он. Израненный мужчина с петлей на шее смотрит прямо и честно, обещая своему врагу смерть – не озлобленно, не из мести, лишь потому, что считает это справедливым.

Даже когда из-под ног у него выбивают колоду и спустя несколько нескончаемо долгих мгновений безжизненное тело замирает на виселице, он остается Героем.

На следующий день они вышли к деревне – всего десяток дворов, сбегаящие к обмелевшей реке огороды, мельница на холме. В утреннем свете хлеба на окрестных полях переливались зеленью, вилась меж них отходящая от дороги узкая колея, спускалась в низину, к щербатому частоколу и распахнутым воротам.

Закат шагал по ней, не слишком торопясь. Тело ныло, привыкшее спать на чем-то более ровном и теплом, чем земля, но это казалось меньшей из проблем. Множество вопросов, проснувшись на рассвете вместе с ним, толклись в голове. Как отнесутся крестьяне к странным путникам? Не проезжали ли здесь рыцари? Сколько можно выручить за телегу? Что лучше, продать коня или купить седло? И наравне с ними фоном, постоянно зудящей мухой – узнают ли в нем бывшего Темного Властелина?

– Господин... А в полях никого.

Задумавшийся Закат поднял голову. И верно, среди высоких колосьев не было видно ни одного человека.

– Празднуют, – хмыкнул он. – Они бы и в разгар страды дела бросили ради такой радости.

Шут открыл было рот переспросить – он не помнил деревенских традиций, но прикусил язык. Конечно, у местных жителей был повод для праздника. Смерть Темного Властелина.

Они пришли в деревню в самый разгар пиршества, и их тут же утащили за стол, наскоро сколоченный из неструганных досок и установленный прямо посреди улицы, напротив самого большого дома. Праздновать здесь начали только этим утром, увидев белый флаг над Черным замком – раньше опасались спугнуть удачу рыцарей. Закат лишь усмехнулся, услышав этот рассказ из уст старосты. Они могли устроить пир хоть на неделю раньше, Темного Властелина это не спасло бы. Он слишком долго сидел на троне, и рок, вечно нависающий над ним, больше не мог ждать.

– Садитесь, ешьте! Большой праздник ведь, всех прохожих угощать положено.

«Положено» царапнуло ухо, громынуло колесом в колее. На мгновение он увидел то, что на самом деле было положено – черный кинжал, входящий в глазницу старосты, блестящую корону на голове проезжего гостя. Он мог бы начать отсюда.

Закат улыбнулся, пытаясь придать лицу не слишком зловещее выражение.

– Благодарю вас, староста. С радостью присоединюсь к празднику.
Шут за спиной только пискнул от ужаса.

Стол был богат настолько, насколько может быть богат деревенский стол перед жатвой – угощение, похоже, собирали всем селом. Даже забили по такому случаю барана, и теперь Закат хрустел запеченными ребрышками, впечатляя соседей крепкими зубами. Мясо – хорошее подкрепление сил для недавно воскресшего. В замке Темного Властелина зачастую не водилось такой сытной еды.

Здоровый детина через две головы от Заката хохотал громче всех и на пальцах показывал, что рыцари света откручивали тирану. Пай, оказавшийся напротив балагура, краснел и бледнел попеременно, пыжился, бросая на своего господина взгляды то пылающие, то умоляющие. Закат не обращал на него внимания. Он отдавал должное деревенской кухне, а шутки... Что ж. Они даже были смешными. Но когда на особо смачном выражении Пай начал надувать щеки и привставать, герой деревенских баек сполз чуть ниже, поддел под столом ноги шута, уронив того обратно на лавку. Шикнул:

– Сиди, защитник...

Но на странные дерганья Пая уже обратили внимание. Баечник спросил подозрительно:

– А ты чего? Лучше знаешь, что ль?

Закат со вздохом отложил ложку. Мелькнул и тут же пропал образ – обнаженный меч, катящаяся голова оскорбившего его, люди, в страхе падающие ниц...

Вот только у него даже меча не было. Забыли, бросили в тронном зале, где Темный Властелин дал рыцарям последний бой.

Закат повернулся к балагуру:

– А как же. И я знаю. Мы в хлеву, что у замка стоит, ночевали. Все и видели.

Девицы и женщины из тех, что сидели за столом, а не носились с тарелками, ахнули.

– Ага, из-за стены! – набычился баечник, почувствовав соперника.

– Все ближе, чем из-за леса, – пожал плечами Закат.

– Ну и что? Что видел-то?

Он обстоятельно вытер пальцы о полы рубашки. Встал.

– Было, значит, так...

Пай уткнулся лицом в ладони.

Когда один из деревенский стариков вытащил гусли, Закат наконец смог вздохнуть спокойно и промочить горло, уставшее от долгого рассказа. Как он и ожидал, красочная смесь из нескольких смертей Темного Властелина заставила селян заворуженно смотреть ему в рот. Жаль только, рот этот нельзя было занимать едой. Впрочем, староста, впечатленный байкой не меньше остальных, пообещал собрать им котомку в дорогу, так что Закат надеялся, что не зря потратил время и огорчил Пая. Бедняга не дослушал даже до половины, со стоном влил в себя очередную кружку крепкой домашней бражки и сполз под стол. Закату было немного неловко, но он решил, что Паю следует привыкать к их новому положению, раз уж корона так и осталась лежать на телеге в тряпице.

Начались танцы. Закат собирался посмотреть на них со стороны, но гость, рассказывающий такие красочные байки, слишком заинтересовал селян. Радушные хозяева тянули его в круг так настойчиво, что пришлось смириться и пойти.

Он думал, что будет выглядеть глупо, ведь со времен его интереса к танцам минуло несколько поколений, но вышло иначе: грация, приходящая к каждому, кто достаточно долго учится владеть мечом, сделала его центром крестьянского гулянья. Девицы, девчонки, даже

несколько почтенных матрон краснели, хихикали и норовили оттереть подружек от гостя – скорее из простого азарта, чем с далеко идущими планами.

– Хорошо танцуешь! Меня Дичкой зовут, а тебя Закатом, да? Красивое имя!

Самая смелая селянка, с копной темных кудряшек, заплетенных в две тугие косы, прочно заняла место напротив него. Закат не ответил – все его внимание занимали попытки повторять движения танца, не слишком отставая от соседей. Впрочем, девице загадочно молчащий гость нравился даже больше, а отсутствие ответа не мешало ей болтать.

Праздник кончился далеко после захода солнца, когда со столов убрали посуду, допили остатки браги и разбрелись по домам. Пай устроился на сеновале, хотя ему предлагали постелить на втором этаже богатой старостиной избы, в бывшей детской. Закат от удобной кровати отказываться не стал. Старостиха носила имя Горляна, и оно очень ей шло – пока женщина прибирала давно нежилиую комнату, Закат обзавелся морем ненужных знаний. Например, о том, что детей у семьи было трое, все девочки и все давно выросли. Старостиха рассказывала, взбивая пуховую перину, что ее старшая дочь Неждана теперь мельничиха, да не просто жена мельника, а сама всеми делами управляет; средняя, Стояна, вышла за Кудряша из Зорек, деревни в двух днях пути к северу; а младшая, Светана, в город ушла, светлым рыцарем становиться. Жалко только, с тех пор от нее никаких вестей не было, хотя Горляна специально читать выучилась, но все равно за дочку почти не беспокоится.

– Девка – огонь, первая хулиганка на деревне была! Такая нигде и ни за что не пропадет. В кого только пошла, ума не приложу, разве что в прапрадеда. Прапрабабка-то моя, говорят, еще позатого Темного застала, когда его Светлый сам ехал воевать. Ну и приветила она защитника, приголубила. А потом и прабабушка моя родилась, ровнехонько девять лун прошло...

Закат слушал вполуха, с легким удивлением отмечая, что с трудом припоминает, что было столько смертей назад. Вроде всего чуть больше ста лет прошло, а уже сливается в одну размытую картину. Подумал с грустью – а ведь тогда Герой последний раз за ним приехал. Тогда они еще встречались лицом к лицу.

Впрочем, была ли разница? Исход все равно предрешен.

Размышления прервала старостиха:

– Ну вот, вроде и постелила. – Она довольно оглядела комнату. Закат только открыл рот, чтобы поблагодарить, как скрипнула дверь. В комнату попыталась просочиться та самая чернявая селянка, назвавшаяся Дичкой:

– Закат? Я подумала...

– Вон отсюда, бесстыдница! – Старостиха замахнулась на девчонку полотенцем, а когда та стрелой вылетела за порог, решительно обернулась к Закату. – Вы ее гоните в шею!

Он кивнул, не желая познакомиться с грозным старостиным полотенцем. Горляна развела руками, извиняясь.

– Совсем ополоумела девка, замуж ей приспичило, да за проезжего. Вы не думайте, она-то хорошая, просто как что в голову ударит...

– Я понял, – усмехнулся Закат. – Не беспокойтесь, после меня правнучек-рыцарей не будет.

Старостиха улыбнулась в ответ, мягко, матерински. Взъерошила Закату волосы, отчего у того странно кольнуло в груди. Вышла, обернувшись на пороге:

– Говорят, доброму человеку добрые сны снятся. Думаю, у тебя они именно такие.

Он не нашелся, что ответить.

Широкоплечий парень перегордил дорогу, схватил коня под уздцы, упершись ногами в землю. Он бы не удержал Злодея, если бы наездник не позволил ему это сделать.

Остановились – крестьянин не поднимая глаз, Темный спокойно изучая смутьяна.

– И? Ты меня остановил. Что дальше будешь делать?

Парень глянул исподлобья, отпустил узду. Вытянул из деревянных растрескавшихся ножен старательно наточенный меч.

– Я вызываю тебя...

– Тсс, – Темный Властелин приложил палец к губам. – Не стоит договаривать.

Спрыгнул с коня, все равно оказавшись намного выше крестьянина. Осмотрел его с ног до головы.

– Ты не Герой. Не рыцарь. Тебе даже не предсказывали, что ты меня сразишь, – по опущенным плечам понял, что угадал верно. – Тогда зачем тебе умирать?

Крестьянин шагнул назад. Глянул на темную свиту, неловко поднял меч.

– Тебе не понять. Драться будешь?

Темный вмиг оказался рядом, ударил в плечо кулаком в клепанной перчатке, крутанул парня, будто куклу, выворачивая кисть... Меч тихонько звякнул, упав на дорогу.

– Подрались. Дальше что? – скучающий голос прозвучал над самым ухом, пока парень пытался не скулить от боли в вывернутой руке и вообще понять, что случилось.

Его отпустили. Темный Властелин подошел к коню, собираясь вернуться в седло...

– В Залесье голод. Поле сгорело, платить нечем!

Темный Властелин обернулся. Улыбнулся вдруг.

– А, вот в чем дело. Ты залесенский. Решил избавиться от проблемы. Понятно...

Тронул мыском черного сапога меч.

– Подними.

Крестьянин глянул недоверчиво, но послушался. Темный Властелин обнажил свой клинок, усмехнулся, увидев отчаянное выражение на лице незадачливого “героя”.

– Нет, драться мы не будем. Будем учиться. Хотя бы меч держать не как палку.

Они провели в лесу несколько часов, пока Темный Властелин учил ошарашенного крестьянина основам боя на мечях. А потом развернулся и уехал, бросив напоследок ученику мелкую монету за хорошо проведенное время.

До Залесья он в том году не добрался, оставил на произвол судьбы. Решил: выживут – хорошо, а если нет – так и не он будет тому виной.

Хорошо, что выжили.

Глава 2

Утром Закат встал ни свет ни заря, вместе со всеми. Похлебал разогретой ухи с ломтем хлеба, следя за суетящимися по дому людьми. Подумал – какая простая жизнь, от посева до жатвы, от весны до осени... От рождения до смерти. Одной-единственной, которая придает жизни подлинную ценность.

Посмотрел в окно. Дорога вилась дальше, мимо деревни, через лес, в город, наверное, на другой край мира. Хотел ли он идти по ней? Вечность?

Закат слизнул капли супа с ложки, бросил ее в тарелку. Вполголоса окликнул хозяина:
– Помочь чем?

Тот оглядел гостя внимательней. Одно дело простой прохожий, другое – человек, собирающийся наняться батраком. Закат знал, что не производит впечатления хорошего работника – высокий, конечно, но от того кажущийся скорее худым, чем жилистым. Староста, однако, не стал отказывать сразу. Кашлянул, спросил:

– Что умеешь-то?

– Чего не умею – тому научусь, – пожал плечами Закат.

Староста помялся, затем рубанул с плеча:

– Платить нам нечем. Сам понимаешь, время такое, до урожая рукой подать.

Закат только снова пожал плечами. Жаль, ему здесь понравилось, хотя и глупо было надеяться устроиться в первой же деревне. Но староста, оказывается, не договорил.

– Так-то у нас работы много. Если согласен за стол и кров пахать от зари до темна – оставайся.

– Вы ведь пашете.

– Добро! – высокие договаривающиеся стороны пожали руки. Закат задумчиво улыбнулся в ответ на доброжелательную мину хозяина, оценив – ладонь у крестьянина все та же, широкая, мозолистая... И мозоли на ней не только от лопаты.

Интересно, в каком сарае лежит его меч.

– Ты топором работать умеешь? – уточнил староста. Закат кивнул – дров для отопления даже одного зала в замке нужно было много, один Пай с ними бы не справился. – Тогда возьми из сарая его, пару охапок соломы, и иди к частоколу. Видел небось, что там половины кольев не хватает? Это мы стройку затеяли.

Уточнять, зачем на стройке солома, Закат не стал, решив, что разберется на месте. Нашел инструмент, для соломы взял с одобрения старосты тачку. Покатил по улице в указанном Горляной направлении. Задумавшись, чуть не сшиб Пая, который при виде него разве что не разрыдался.

– Господин! Что же вы... Черной работой...

– Будто я в замке камни не таскал, – хмыкнул Закат, поудобнее перехватывая оглобли. Последние жизни на рабочих денег не хватало, а рабов он не держал, так что латать осыпающиеся стены приходилось самому.

Пай, однако, был с ним не согласен, и увязался следом, пытаясь заодно отнять тачку. С учетом не самого крепкого сложения шута, совершенно бесполезное занятие.

– Так замок хотя бы ваш! Свое чинить – руки не пачкать. А здесь... Господин, вы же не... Не...

Закат засмеялся – искренний ужас шута его веселил.

– Нанялся батраком. Именно так.

– Но вы же Темный... – осекся, поймав мгновенно потяжелевший взгляд, даже рот себе для верности руками зажал. Договорил шепотом, – Господин, вы благородны...

Закат вытер взмокший лоб плечом, заодно убирая лезущие в глаза пряди. На лице у него было поразительно умиротворенное выражение.

– Знаешь, в чем главное достоинство благородного происхождения, Пай? – Дождался, пока шут помотает головой, прежде чем самому ответить. – Можешь делать то, что хочешь. Всегда об этом мечтал.

– И вы хотите чинить этим селянам забор? – Удивление в голосе Пая могло соперничать только с его же печалью.

– Хочу. Никогда раньше этого не делал, – он остановился. За разговором они добрались до конца улицы, упершись в кипящую стройку. – Эй, куда разгружать?

Из-за сложенных бревен вынырнул давешний баечник, хекнул удивленно, узнав. Крикнул, высунувшись за частокол:

– Лист! Тут солому притащили. И работник новый, который вчера пришел.

К ним вышел Лист, больше похожий на маленькую передвижную крепость. Критически оглядел Заката и тачку, поручил коротко:

– Затолкай между кольями, которые уже поставили.

Кивка ждать не стал, ушел, подхватив по пути стоявший у бревен топор. Закат слышал, как кому-то тут же влетело за головотяпство, и снова размеренно застучало железо, полетели щепки с будущих кольев.

Пай не ушел, так что Закат припряг его к работе. В четыре руки тачку разгрузили быстро, укладывая пучки хрустящих остьев. Баечник, назвавшийся Редькой, показал, как их утрамбовывать, протягивая между бревнами веревку, а затем – как забивать мхом щели. Тут вернулся Лист, обозвал всех троих лоботрясами, послал обратно к старосте за новой соломой. По пути баечник покаялся – штуку с мхом он придумал сам, и по хорошему запихивать в щели его надо было после того, как установят все кольца.

– Но тогда кто ж мне даст! А сейчас милое дело, все вокруг частокола крутятся, все время работа есть. Если я вместо отдыха с мхом вожусь – кому какое дело?

Редька соловьем разливался, описывая достоинства утепленного мхом частокола, Закат слушал – как того соловья, ничего не понятно, но звучит красиво. Пай задавал каверзные вопросы – а ну как дерево загниет? Баечник горячился, объясняя, как он сушил нити мха... Так дошли до старостиного забора, Пай придержал калитку, помогая закатить тачку во двор...

– Эй, селяне!

Закат медленно обернулся, понимая, что жить ему осталось не дольше вдоха. За спиной улыбался молодой рыцарь в белом плаще, подкручивал щегольские усики. По людям он едва скользнул взглядом, попросил вежливо:

– Воды нальете герою?

Закат кивнул молча, глянул на Пая, который тут же понятливо перехватил тачку. Подошел к колодцу, быстро крутанул ворот, доставая ведро. Зачерпнул ковшиком, стоявшем тут же на деревянном срубе.

– Вот спасибо!

Рыцарь принял ковш обеими руками, выхлебал воду, отфыркиваясь. Закат отошел к открытому амбару, надергал пару охапок соломы, бросил в тачку. Покатил вверх по улице. Спина закаменела в ожидании еще одного окрика, удара, но вместо них донесся вопрос:

– А что, сложно было Темного победить? – конечно, Редька не мог не попытаться выяснить подробности из первых рук. Закат подобрался, догадываясь, что его история сильно разойдется с версией рыцарей...

Но баечника разочаровали.

– Чего там говорить, понятно, сложно. Но это наш долг!

Закат криво улыбнулся, приналег на тачку.

Двадцать на одного. Невероятно сложно!

Он, кажется, даже ранить никого не успел.

Всколыхнулось в глубине черное, вязкое – вызвать этого рыцаренка сейчас, одного. Высмеять. Убить.

Мальчишку, гордо подкручивающего куцые усики.

Мальчишку, недавно мародерствовавшего в его доме. Того самого, который попытался рубануть врага по шее, но чуть промазал и клинок увяз в наплечнике, запрыгала по полу подвеска на перерезанном шнурке...

– Куда несешься, с ума сошел?!

Закат остановился, переводя дыхание. Улыбнулся через силу.

– К вам же и несусь. Лист просил вторую тачку соломы.

Мужчина, остругивавший колья, засмеялся.

– Так убедительно просил? Запихивать-то ее пока некуда. Ладно, вываливай тут и помоги с кольями. Если ты топором так же быстро машешь, как тачки возишь – к вечеру закончим!

К вечеру они, понятно, не закончили, но, судя по одобрительному кивку Листа, поработали неплохо, хотя баечник так и не вернулся на стройку. Напарник Заката, прозванный за острый язык и любовь к рыбалке Щукой, сказал, что с ним всегда так. Возвращались вместе, упарившийся за день Щука даже зазывал выпить бражки – «Пробовал вчера? Так то еще не самая лучшая!», но Закат отказался, пошел к старостиному дому.

И понял, что зря. Три белые лошади, привязанные к хлипкой ограде, сулили очень большие неприятности.

Закат осторожно открыл тяжелую дверь, постоял в сенях, слушая, как на кухне рыцари рассказывают о своем Светлом Ордене. Тихо прошел на второй этаж, вытянулся на лежанке. Живот печально урчал – днем сердобольная жена Щуки накормила и его, но после долгой работы требовался ужин. Снизу сладко пахло вареной свеклой, сквозь щели в полу пробивался свет, доносились голоса. Закат прислушался. Староста отвечал на участливый вопрос, не слишком ли тяжело живет у Черного замка, и не хочет ли Залесье откочевать поближе к Белой цитадели.

– Мы, в общем, привыкли. Вы ж его, не в обиду будет сказано, только на время убиваете. Годок тишина, а потом по новой приезжает дань собирать, как ни в чем не бывало.

– И вы слушаетесь?

Голос рыцаря прозвучал как-то странно. Не то поверить не мог, что люди могут жить под владычеством зла, не то размышлял, не зло ли сами эти люди.

– А чего нам делать. Мы ж не герои, чтоб Темного убивать, – Закат улыбнулся невольно, вспоминая давнишнюю лесную встречу. Да уж, не герои... – К тому же в последние годы он всего десятину урожая брал, даже подушный налог отменил. Да и поля у нас тут, избы, куда нам отсюда.

– Понятно. Однако если бы нашелся способ избавиться от Темного Властелина навсегда, вы бы вряд ли стали отказываться?

– Э... То есть да, конечно!

Закат мысленно согласился – лучше не говорить рыцарям, что предпочитаешь Темного Властелина с регулярным освобождением от дани Светлому герою с подушным налогом. Не поймут.

– Тогда, староста, вам и только вам я сообщу тайну...

Рыцарь понизил голос, Закат усмехнулся. Великая тайна, Темного Властелина больше нет и не будет – потому что вышеупомянутый Темный Властелин пытается заснуть этажом выше рыцарей. Станут теперь каждый год наезжать, тоже дань собирать. Может, еще и сто-

рожку своего ордена поставят, с мечом на маковке. Окончательная победа добра над злом, надо же...

Скрипнула дверь, заглянула Горляна с тарелкой, прикрытой куском лепешки.

– Так и думала, что к себе ушел! Ты поешь-то не забыл, работничек? Ой, на кровать в одеже! Как дети, право слово, и муж мой такой же...

Закат встал, улыбаясь. Взял миску с кубиками свеклы, помог старостихе перетряхнуть простыню. Она села рядом, умиленно глядя, как он ест. Вздохнула.

– Говорят, Темного больше нет. Не воскресает. Даже где тело, не знают.

Посмотрела на него внимательно. Закат продолжал невозмутимо жевать свеклу, разом потерявшую весь вкус. Поднял на женщину глаза:

– А я так понял, это большой секрет. Его только что вашему мужу внизу открыли.

Старостиха тихонько засмеялась.

– Это их главный думает, что секрет. А мальчишка, тот, с куцыми усиками, уже девкам все разболтал. Еще и подвеску подарил, а они мне принесли.

На мягкой ладони блеснул амулет, черный камень на дважды завязанной веревочке. Закат отвел глаза. Он до последнего не продавал оникс. С ним была связана смутная история, какое-то ожидание, суть которого Закат успел позабыть за прошедшие годы, но камень хранил. Теперь вот мальчишка, умудрившийся в бою перерубить не только плечо врагу, но и веревочку амулета, подарил трофейный камень крестьянке. Крестьянка передала подарок Горляне – интересно, зачем? – а Горляна показывает ему. Опять же – зачем?

Не дождавшись ответа, старостиха положила подвеску на подоконник. Посидела, щурясь в окно, где в небе все ярче становилась половинка луны, похожая на свернутый вдвое блин.

– Выходит, будем мы теперь под светлыми жить. Или, может, кто из других соседей позарится.

Закат нахмурился, пытаясь припомнить – какие соседи? Кто еще тут правит? Подумал – да, наверное, кто-то должен быть. Мир большой, его владения маленькие, у Героя несколько смертей назад и вовсе никаких не было.

Горляна тем временем рассуждала:

– Северные вряд ли придут, у них со своей Королевой проблем выше головы. Югу, понятно, не до нас, у них своя история... С востока вестей давно нет, в последний раз говорили, что у них девица, которую волкам отдавали, в город вернулась у того волка на спине. Свет его знает, что там теперь, может, оттуда стаю волков надо ждать, а не людей. Вот и выходит, что только рыцарям к нам и идти.

Свекла кончилась. Закат сидел с пустой миской в руках, невидяще глядя в окно. Королева с севера... Она вспоминалась смутно: высокая, статная женщина в ледяной короне с изогнутыми зубцами, почти такой же, как у него самого. Он видел ее когда-то, давным-давно... Где? Как? Не вспомнить. Да и про волков знал, но за давностью лет забыл о них, как о ненужной детали, не имеющей отношения к его борьбе с Героем.

Бессмысленной борьбе.

Снизу донесся голос старосты:

– Конечно, конечно, сейчас. Горляна!

Старостиха встала, посмотрела на Заката долгим, пронизывающим взглядом. Спросила тихо:

– Как думаешь, бывает добро без зла?

Ушла, не дожидаясь ответа. Оникс на крашеном белом подоконнике казался упавшей звездой, и Закат не удержался, взял камень. Сжав в кулаке, поднял к губам, посмотрел в небо. Оскалился – как когда-то. Откинулся на лавке, опершись о стену, прикрыл глаза. Сказал тихо, будто убеждая кого-то невидимого:

– Я не хочу быть злом. Я могу им не быть. И я не буду.

Холодный зал. Красивый золотоволосый юнец идет к трону – меч наголо, на лице праведная ярость.

Темный Властелин смотрит ему в глаза, и каждый шаг мальчишке, возмнившему себя героем, дается все тяжелей. Перед ступенями он не выдерживает, падает на колени, меч вываливается из разжавшейся ладони.

Темный Властелин с усмешкой оборачивается к пленнику, прикованному рядом с тронном:

– Это твой хваленый оруженосец, который должен был закончить твоё дело?

Они смотрят друг другу в глаза – черные в голубые, в упор. Свита замирает, не решаясь ни звуком нарушить повисшую тишину... И только мальчишка, светлый оруженосец, вдруг тихонько всхлипывает. Мгновенно все взгляды обращаются к нему, Темный Властелин сходит с трона. Поднимает валяющийся на полу меч. Заносит над тонкой шеей склонившегося юнца.

– Он молод и неразумен. Твоя цель – я. Убей меня, если хочешь убить.

Тихий голос пленника не дрожит, но меч все равно падает смертельным ответом – Темный Властелин обещал убить любого, кто поднимет на него руку...

Закат открыл глаза. Пару мгновений смотрел в окно, за которым медленно розовело небо, пытался понять, где он и что здесь делает. Прокричали первые петухи. В кулаке оказался зажат оникс – так крепко, что отпечатался на коже. Немилосердно ныла спина, затекшая от сна в неудобной позе. Внизу Горляна уже раздавала указания насчет завтрака для рыцарей, и Закат на всякий случай не стал заходить на кухню, пошел сразу во двор. Наскоро размялся – в комнате боялся что-нибудь снести, размахивая руками. Заметил из-за забора заинтересованный взгляд чернявой селянки, отвернулся.

– Эй, Закат! Идешь?

У калитки уже ждал Щука – травинка в зубах, топор на плече. Закат забрал из сарая инструмент старосты, выданный ему на время работы, улыбнулся, выйдя на улицу. Зашагали рядом. В дворе заржал конь, Закат хмыкнул, увидев, как Злодея, оказавшегося батраком наравне с хозяином, пытаются запрячь в телегу. Свистнул тихонько. Конь тут же повернул голову, поставив уши торчком. Заржал, возмущаясь и переступая с ноги на ногу, но лягаться перестал.

Щука смотрел на все это с веселым интересом.

– Злющий коняга! Зато верный, все одно пес. А зовут как?

– Злодеем, – ответил раньше чем подумал и опустил голову, гадая, слышал ли Щука о коне Темного Властелина.

Видимо, нет, так как только рассмеялся:

– Подходящее имечко!

Забор старосты остался позади, прошли дом Щуки, где над огородом висели разномастные сети. Его жена, низенькая кругленькая женщина, помахала им вслед.

– Ты к нам как, надолго?

– Посмотрим, – Закат неопределенно пожал плечами. – До страды, наверное, останусь.

Щука кивнул, задумчиво грызя травинку. Сплюнул на землю.

– Посмотри... У нас, вишь ты, новые господа будут. Светлые, чтоб мне утонуть, никогда не думал, что под стенами у тьмы снова на этих рыцарей налечу.

– И чем тебе не угодил свет?

Щука пожал плечами, так же, как до того Закат. Почесал нос.

– Да просто все. Тьма чего от тебя хочет? Ну, по крайней мере наш-то чего хотел?

Закат промолчал, так как представления не имел, как его запросы выглядели для крестьян. Щука ответил сам, назидательно подняв палец:

– Овса! Понимаешь? Просто несколько мешков овса. Что мы там кроме овса делаем – его не интересовало! А эти, из своей обители, разве что в постель к тебе не лезут. Говорить надо так, есть эдак, девок выбирать как свет велит, а не как сердце лежит. Виру еще назначают за все подряд, тьфу!

– Вроде они только убивать и воровать запрещали, – неуверенно удивился Закат, не припоминаясь особых ограничений в попавшем к нему несколько смертей назад своде светлых законов. Щука отмахнулся:

– Это понятно! Но они чем дальше, тем больше с ума сходят. Медведь, староста в смысле, говорил, они на него так смотрели, будто прикидывали, не порубить ли нас всех просто за компанию с Темным. Мол, чего это мы так близко к замку живем, а рыцарям в ножки не падаем.

– Но их победу вы отмечали.

– Отмечали. Традиция, вроде как. Но ты смотри, вот Репка, баечник наш, про Темного Властелина шутки шутил? Шутил. И ничего! А про светлых попробуй пошути...

Закат покачал головой. Звучало все это, на его взгляд, дико.

Из-за частокола высунулся Лист, мрачный, как и вчера.

– Хорош ляды точить! Мы вам, лоботрясам, еще бревен привезли. Обтесывайте.

В середине дня пришла жена Листа, подав этим сигнал к обеду. Работники уселись под стеной ближайшего дома, чья хозяйка, пожилая ворчливая женщина, позволила им умыться из бочки с дождевой водой. Закату принес обед Пай, оставшийся у Горляны на правах мальчика на побегушках. Постоял рядом с женщинами, с жалостью глядя на своего господина, сидящего на одном бревне с пятью крестьянами и жующего постную кашу. Щука довольно уплетал двойную порцию уха, которой жена наказала поделиться с Закатом, если тому опять нечего будет есть. Вытер миску ломтем хлеба, спросил задорно:

– Что, Лист, закончим сегодня?

Лист ответил не сразу, выполняя завет не трепаться за едой. Доел не торопясь, сходил еще раз к бочке, сполоснул руки. Глянул на забор, в котором недоставало еще шести кольев.

– Если заседать тут не будем, закончим.

Поднял свой топор и пошел к оставшимся бревнам, подавая пример. Встал Закат, отдал свою миску дожидавшемуся Паю. Тот вздохнул тихонько:

– Господин, может, помочь хоть?..

Закат улыбнулся, потрепал юношу по голове.

– Топором махать? Не нужно. Иди лучше к Горляне, ей ты сейчас больше поможешь.

Пошел к забору, собираясь присоединиться к обтесыванию бревен...

– Эй, чернявый!

Он не обернулся, только едва заметно сбился с шага. Мало ли тут чернявых. Нормальный селянин не считает, что рыцарь обязательно обратился именно к нему.

Сзади процокали подкованные копыта, на плечо легло древко копыя.

– Глухой, что ли? Не слышишь, с тобой говорят!

Закат остановился, глубоко дыша. Обернулся, улыбнуться не смог, только брови чуть приподнял в притворном удивлении.

Рыцарей было трое. Знакомый мальчишка, полноватый мужчина с арбалетом у седла и немолодой силач с наскоро выправленными вмятинами на шлеме. Три пары глаз осмотрели его – бегло, недоверчиво, цепко. Главным в тройке был старик, он и спросил отрывисто:

– Кто такой?

– Закат, – ответил спокойно, негромко. Но рыцарю ответ не понравился.

– Плевать мне на твое имя! – Шевельнулось копьё на плече, будто пригрозило – говори по делу, а не то... – Что тут делаешь?

– Забор чиню, – не удержался, усмехнулся уголком губ. Рыцарь выступил из окружающего мира рельефней, ярче, затмевая остальную картину. Вспомнилось – а ведь пнул умирающего именно этот старик. Закат выше поднял голову, глянул прямо, холодно и жестко. Даже оставшись безоружным против троих, одного рыцаря он успеет прихватить с собой. Нужно всего лишь вырвать так глупо опущенное копьё, ударить пяткой древка в горло...

– Эй, светлые, вы чего к человеку пристали? – Между рыцарями и Закатом угрем ввинтился Щука, улыбаясь во все зубы. – Наш он, троюродный брат мой из Зорек. Там у них с мужиками перебор, вот и подался к нам побатрачить годик!

Щука болтал что-то еще, а Закат медленно, через силу разжимал невесть когда стиснутые кулаки. Только сейчас заметил, что мгновение назад взор застлала кровавая пелена. Вздохнул. Послушал пустопорожнюю болтовню, в которую превращался любой разговор с Щукой. Отвернулся, возвращаясь к работе. Поймал неодобрительный взгляд Листа, кивнул едва заметно – понял, мол, нарываться больше не буду.

Но даже размеренно обстукивая колья, не мог перестать думать – а если бы убил сейчас, отличил бы потом крестьян от врагов?

О случае с рыцарями ему не напоминали – ни Лист, хлопнувший вечером по плечу и поздравивший с первой законченной работой, ни Пай, тенью ходивший следом полдня, ни Щука, таки затянувший к себе обмыть новый забор. За очередной кружкой Закат спросил его сам:

– Зачем ты соврал рыцарям?

Щука отмахнулся.

– А чего они лезли?

Закат опустил глаза, покрутил в руках опустевшую кружку. Щука, неправильно поняв жест, кинулся подливать, одновременно пояся:

– Я ж говорил, этим светлым до всего дело есть. Не люблю я их. А ты мужик хороший, что я, смотреть буду, как они тебя мурыжат? Паршивый же из меня друг тогда!

Закат поперхнулся брагой от неожиданного откровения, закашлялся. Щука перегнулся через стол, участливо постучал по спине. На миг глянул в глаза неожиданно серьезно.

– А ты что думал? Люди в работе распознаются. Ты с нами второй день, а любой, кто рядом топором махал, про тебя рассказать может больше, чем пацан твой. Только не светлым же, ну!

Закат фыркнул, но промолчал. Не объяснять же было довольному своей пронизательностью Щуке, что «пацан» знает Заката несколько жизней, и то, кем он был раньше, разительно отличается от нынешнего батрака. Отличается настолько, что Закат сам пока не знал, кто и какой он, и тем более – может ли к нему применяться понятие «дружба», если он в принципе способен зарубить этих крестьян просто потому, что под горячую руку подвернулись.

Но ведь не зарубил.

Закат мотнул головой, хлебнул еще браги, позволяя веселой болтовне Щуки литься сквозь голову, незаметно вымывая тревожащие мысли.

Жизнь стала удивительно сложной.

А ведь он просто хотел перестать быть Темным Властелином.

Домой Закат добрался за полночь, стянул засыпанную древесной стружкой одежду и рухнул на кровать пластом. Тело устало – и от непривычной работы, и от бражки, норовящей ударить в голову, но не могущей пробиться сквозь укрепленный после случая с рыцарями контроль. Закат неловко перевернулся, нащупал на шее оникс, днем спрятанный под рубахой. Сжал в ладони, снова, как и вчера, глядя невидящим взглядом в окно.

Он едва не убил сегодня. Но это не было похоже на знакомую колею Темного Властелина, это было иное. Слишком уж сильная, слишком глубокая ярость захлестнула его в тот момент. Когда он в последний раз испытывал что-то подобное?..

– Вы его упустили?!

Рык сотрясает своды, незадачливые стражники вжимают головы в плечи. Темный Властелин на ступенях трона – мгновение назад он вскочил с кресла в ярости от дурных вестей и теперь идет к провинившимся слугам.

– Вы... Его... Упустили?! И вы смеете являться ко мне с пустыми руками?

Рука на оголовье меча, стоящий прямо перед ним глава стражи зажимается и в тот же миг падает на пол, булькая кровью в рассеченной глотке. Темная свита не смеет даже вздохнуть, пока их Властелин смотрит на умирающего. Вытирает клинок, резким движением вбрасывает его в ножны. Оборачивается, указывает на единственного не отшатнувшегося стражника.

– Теперь ты глава стражи. Найдешь Героя. Иначе...

Новоиспеченный начальник понятиливо кивает, тут же начиная раздавать указания подчиненным. Темный Властелин возвращается на трон, безучастно глядя, как убирают труп и смывают с пола кровь.

Он думает о том, что убил в порыве ярости, и решает больше такого не допускать. Хотя сейчас эта вспышка была ему на руку. Новый глава стражи сделает все, чтобы выполнить поручение своего господина.

Закат проснулся от звука гонга, призывавшего всех собраться перед старостиным домом. Выдохнул, изгоняя призрачный запах крови, рассеянно потер ладонь с отпечатком камня. Такого далекого прошлого, какое явилось к нему во сне, он не помнил. И при этом отчетливо понимал – оно было. Просто минуло слишком много лет для человеческой памяти.

Но не для памяти камня? Поэтому он его берег? Насколько далекое прошлое хранит оникс?

И резко, ожогом – может ли он хранить воспоминания до той, самой первой, смерти?

Снова зазвучал гонг. Закат наконец встал с постели, оделся, стряхивая прилипшие вчера опилки. Спустился вниз, затесался среди старостиных домочадцев сбоку от крыльца, скрывая рост. Прищурился на стоящего посреди двора старика-рыцаря, начинающего речь.

– Братья и сестры мои! Возрадуйтесь, ибо закончилось время тьмы. С этого дня и до скончания времен вы переходите под длань света.

Старик замолчал, обводя глазами крестьян. Подал пример толстый рыцарь, закричав «Слава свету». Его поддержали, но жиденько, неуверенно. Впрочем, оратору хватило.

– Мы поедем дальше, за Черный замок, передать эту новость остальным деревням, жившим под пятой Темного Властелина. После страды мы пришлем все необходимое для стро-

ительства сторожки Ордена. До тех пор наместником света у вас остается рыцарь Светозар, надежда и опора нашего ордена!

Мальчишка с куцыми усиками воздел меч, пытаясь поймать лучи восходящего солнца. Увы, утро выдалось туманным, красивый блик на острие не получился. Толстяк снова закричал «Слава свету», Щука, стоявший за его спиной, скривился, как-то перековеркав слова. Закат пробурчал славу вместе с остальными, дивясь прихоти судьбы. Жаль, оценить ее никто, кроме него, не мог.

Славословие закончилось, уезжающие рыцари устроились в седлах загодя взнузданных коней. Светозар стоял рядом, держась за стремя старшего рыцаря: видимо, выслушивал последние наставления. Крестьяне потянулись по своим делам – кто в поле, кто в огород или на пастбище. Закат поймал на крыльце Медведя, напомнил, что забор починен.

– Да, отлично поработали. До сенокоса общих дел нет, сам решай, чем займешься. Или Горляну спроси, она, честно говоря, лучше меня знает, куда пристроить пару рук.

Горляна в самом деле знала, так что вскоре Закат постигал искусство починки и плетения корзин у старухи-корзинщицы, матери Горляны и Листа. На старости лет она наконец-то собралась поделиться своим мастерством, но подмастерье выбирала придирчивей, чем невеста жениха.

– Ты тоньше расщепляй-то! Эх, молодежь, никакого терпения...

Закат незаметно улыбался, послушно расщепляя выданную ветку. Старая Лужа, как звали корзинщицу, характер имела соответствующий обоим своим детям.

– Вот так, молодец, быстро учишься. А теперь мы их выварим, чтоб помягче стали...

Они вместе опустили длинные полосы древесины в огромный чан с водой, такой тяжелый, что вместо того, чтобы поднимать его над костром, дрова укладывали вокруг него. Дело разжигания огня старуха никому не доверяла, сама постучала огнивом по камню, высекая искорки на горсть щепок, бережно раздула. Подняла дымящееся огневое гнездышко в коричневых сморщенных ладонях, посадила в будущий костер. Оглядела довольно.

– Вот так. Теперь ждем!

Сели ждать. Лужа, в удивительной для деревни крашеной цветастой юбке и сером захватанном переднике поверх, устроилась на крыльце, обмахнув рукавом облупившиеся доски. Закат сел на ступеньку ниже, даже не пытаясь втиснуться рядом с дородной старухой.

Через плечо протянулась рука, на подол рубахи просыпалось несколько крупных подсолнечных семечек.

– Будешь? С прошлого года немного осталось. В этом-то году я такого не сажала, кому оно, кроме меня, нужно.

Закат не понял последних слов, но за семечки поблагодарил, взял. Расщелкнул первую, забросил в рот, прикрыл глаза, пробуя на вкус. Кажется, когда-то он любил семечки. Очень давно.

Лужа за его спиной вздохнула, тоже захрустела подсолнечником. Сказала вдруг:

– А Светозар-то этот как?

Закат неопределенно пожал плечами. Старуха недовольно пихнула его в спину:

– Эх, мальчишки! Это ж важно. Кого нам оставили? Младшенького, ребенка? Значит, нас не боятся. Или хорошего молодого бойца? Тогда-то совсем другой разговор будет!

Закат кивнул, соглашаясь. Задумался. Сказал медленно:

– Он либо глуп и не наблюдателен, либо очень хитер.

Совпадение ли, что после встречи у колодца вся троица рыцарей остановила Заката у забора? Оникс просто так подарили селянке или проследили, кому она его отдаст?

На макушку легла мягкая ладонь, чуть толкнула, отвлекая от мыслей.

– В каждой тени-то врага не надо видеть. Ну подумай – мальчишка, молоденький совсем. У светлых, которые шпионами никогда не промышляли. Он или хороший боец, или плохой, а думать, что он соглядатай – это уже глупость.

Закат покачал головой.

– Я не уверен, что глупость.

Лужа фыркнула, дернула его за отросшую прядь.

– Шуки наслушался, что ли? Он у нас известный нелюбитель света. Да и не диво – разбойником был, его шайку рыцари разогнали. Он один считай и выжил, прибился к нам. Защищает тебя теперь, э? Ты ж прям как он, пришел неведомо откуда – и рыцари следом.

Закат мотнул головой, высвобождая волосы. Обернулся, присмотрелся к старухе внимательней. Она рассмеялась залиvisto, как девчонка, ухватила за резные перильца, чтобы не опрокинуться. Отдышавшись, кивнула.

– Угадал! Я этого бандита прятала еще до того, как мы его в Зорьки пристроили. Он молодец, что тебе помог, а все-таки меньше его слушай. Ты ж не разбойник, чтобы каждой тени бояться.

Закат опустил голову. Не разбойник... Хуже. И искать его будут старательней. За спиной встала Лужа, отряхнула подол от подсолнечной шелухи.

– Ладно, хватит болтать. Видишь, парит уже, пора нашу будущую корзину из кипятка вылавливать.

Домой Закат вернулся нагруженный тремя собственноручно сплетенными корзинами – пока маленькими и довольно кривыми, но Лужа осталась довольна, даже велела приходить еще. Горляна встретила его на кухне, обрадовалась – наконец-то к ужину не опоздал. Пришел Медведь с поля, принес ведро с рыбой Пай, отправленный в помощь Шуке. Тихонько проскользнули в комнату пара девчушек-приемышей. Закат уже знал, что детей год назад нашел в лесу Медведь, а что с ними случилось, никто выяснять не стал. Решили, что захотят – расскажут, а так нечего раны беречь. Девочки до сих пор больше молчали, даже имена им пришлось придумывать. На новые они, впрочем, отзывались охотно, и подходили они им очень – что худенькой пугливой Щепке, что кругленькой упрямой Шишке.

Когда все уже сидели за столом, и Закат, дождавшись своей очереди после хозяев, наконец-то заполучил горшок каши, стукнула входная дверь. Он догадался сразу, окаменел, понимая – уйти не успеет. Продолжил накладывать себе еду, только голову опустил ниже. Горляна глянула беспокойно, заметив заминку, тут же вскочила, улыбаясь и шумно приветствуя гостя.

– Я теперь, получается, сосед, а не гость. Да и жить мне негде, пока сторожку Ордена не поставим.

Голос у рыцаренка был высокий, звонкий. Мальчишка, вдруг подумал Закат со странной горечью. Сказал бы «не старше Пая», да только Паю давно не девятнадцать. А что судьбе угодно, чтобы шут выглядел вечным подростком, это уже другой вопрос.

Раньше свита была у него, а не у Героя. Герою полагался только оруженосец. Такой вот мальчишка.

Светозар сел за стол напротив Заката, в традициях светлых отказался встречать в очередь к горшку с кашей, принял его только после Пая и девочек, почти пустым. Рассказывал какие-то рыцарские байки, Горляна смеялась и в ответ рассказывала байки деревенские, так что девочки с Паем слушали, разинув рты. Медведь сосредоточенно поглощал кашу, Закат брал с него пример, но все равно против воли вслушивался в разговор. Особенно заинтересовал его вопрос, что будут делать рыцари теперь, когда враг окончательно побежден.

– Враг – это не только Темный Властелин. Это любое зло, бесчестье, беззаконие, которое творится в мире. Вы добрые селяне, но не все живут так, как вы, по законам света.

Высокопарный тон рыцаренка раздражал. Закат мельком коснулся груди, где под рубашкой висел оникс, аккуратно прожевал последнюю ложку каши. Спросил, подняв голову:

– А что включают в себя законы света?

И понял, что правы были и Лужа, и Щука. Мальчик не был соглядатаем – он даже сейчас не узнавал сидящего перед ним врага. Но законы света за прошедшие годы действительно сильно изменились.

Не устраивать гульбищ без должного повода. Не варить пиво. Не выращивать колдовские травы. Не носить обереги. Не гадать на золе от костра конца года. Не есть рыбу в четвертый день первой недели каждой луны. Не жениться без благословения света. Не...

– Ох, посмотрите, стемнело совсем! Девочки, помогите убрать со стола. Пай, как проснешься, сбегай к Крошке, она обещала яиц дать. Закат, ты завтра опять к Луже?

Закат с усилием оторвал взгляд от лица рыцаренка.

Он не был похож на Героя. Волосы не золотые, а серо-русые, глаза не голубые, а ореховые...

Это злило сильнее всего. Они им не были. Никто из рыцарей не был Героем, они были только отдаленно похожи – издали, если не приглядываться. И эти законы были так же похожи на законы справедливого света. Издали. Если не приглядываться.

– Да. Похоже, я прошел испытание на место подмастерья корзинщицы.

Горляна рассмеялась натянутой шутке, только глаза смотрели слишком внимательно, и Закат поспешил уйти спать, прежде чем рыцарь заговорит снова.

Глава 3

Ночью пришел очередной сон, муторное воспоминание, сгнувшее с рассветом и оставившее привкус сажи на губах. Навязчиво вертелись образы – дым, заполняющий залы, огонь, выбитая дверь и кашляющие слуги. Закат не хотел вспоминать подробности, наоборот, пытался занять голову чем угодно другим. После вчерашней стычки решил – все, что было с ним раньше, больше его не касается. Темного Властелина нет, он наконец-то умер на радость светлым рыцарям, а батраку из деревни Залесье нет дела до прошлых жизней исчезнувшего владыки.

Правда, оникс выкинуть не смог, только старался не касаться камня лишней раз и снимал перед сном. Думал даже завернуть в тряпицу и носить в сумке, но побоялся однажды выронить.

Жить после этого стало легче. Дни проходили один за другим, странные сны развеивались без остатка, стоило открыть глаза – как и положено сном. Можно было плести корзины со старой Лужей, колоть дрова с Листом, рыбачить с Щукой, обходить поле с Медведем. Изредка Закат выезжал Злодея, скучавшего в роли крестьянской лошадки. С Паем говорили и того реже. Бывший шут вписался в новую жизнь так же незаметно, как когда-то в жизнь Темного Властелина, но настолько явно чувствовал себя не в своей тарелке, что Закату неловко было смотреть ему в глаза.

Со Светозаром вообще старался не встречаться. На всякий случай.

Так прошла луна, началась вторая. Жаркое солнце пекло землю, от частой работы на улице сперва обгорела, а затем взялась крепким коричневым загаром шея. Привыкли руки, сперва нывшие по вечерам, ведь махать топором и мечом – занятия совсем разные. Каждый день дарил что-то новое, простое и прекрасное, позволявшее верить – он обычный. Он как все. Крестьянин. Батрак. Трюродный брат Щуки, пришедший из Зорек. Уже даже Дичка, липнущая к приезжим, не обращает внимания, обхаживая Светозара.

Впервые Закату стало интересно – а какой он? Как выглядит? Задержавшись у колодца ранним утром, он крутил ворот с затаенной надеждой познакомиться со своим отражением заново.

Не вышло. Едва бросив взгляд на колышущееся в ведре небо с темным, трудно различимым пятном его головы, Закат понял – ничего не изменилось. Все то же лицо Темного Властелина, острое и грубое, будто вырубленное из дубового чурбана. Разве что перестало быть черно-белым, наконец-то схватилось смешным, шелушащимся загаром, на носу и скулах – темнее. Ну и улыбаться он научился по-человечески, и не щуриться, когда что-то его раздражало. Он вообще старался не раздражаться. Не вызывать лишней раз алое дрожащее марево, приходящее незнамо откуда.

– А, ты еще здесь! Вот хорошо, я уже думала Пая за тобой посылать. Сходи на дальнюю опушку к Ежевичке, возьми у нее трав для Лужи, хорошо? Она знает, каких.

Закат кивнул высунувшейся на крыльцо Горляне, зачерпнул из ведра, разбивая отражение на блестящие осколки.

Он старался не думать о том, что упрямая внешность могла означать, что вся его игра в обычного человека остается только игрой.

Домик Ежевички, сухой приземистой старушки-травницы, стоял далеко за оградой села. Его хозяйка оказалась из «бабок» – тех, кто живут у судьбы под боком, но никогда не попадают ей на глаза. Такие растят маленьких, куцых временных героев, когда настоящий бродит незнамо где. Такие сидят, словно на сторожевых вышках, в своих домиках на сваях-ногах по

дороге к Черному замку и плюют на макушку Герою заговоренными косточками. Маленькие женщины, мелькающие на полях истории и имеющие за это свой ломоть хлеба. Свою вечную жизнь – не алтарное воскрешение, а тихое, беспечальное существование без истинной старости и немощи, которое можно прервать лишь ударом меча.

Закат не знал, что в Залесье есть бабка. Если бы знал – прошел мимо.

– А, это ты... Явился наконец, голубчик! А мы тут лясы точим, да о своем, о девичьем...

Бабка нарочито шамкала, пропуская гостя в горницу, не поднимая на него глаз. В домике обнаружился пяток женщин, Закат видел их только на празднике в первый день. По спускающимся на плечи косам и Дичке, затесавшейся в сидящий на лавке рядок, понял – девицы на выданье. Сидят по родительским избам, на улицу нос не кажут, набивают себе цену. Сейчас невесты еще не выбранных женихов тупили взоры, фыркали тихонько и переглядывались. Закату было неловко, но он не мог понять, на что скорее похожа эта неловкость – на стыд дерева, выросшего посреди приличного поля, или на страх единственного пирога в окружении толпы едоков.

– Да ты садись, не стесняйся. Траву мою не тронь! Для гонской вытяжки только девичьи ручки годятся. Ох, девки-девки, повыскакиваете замуж после Костревища, оставите бабку без рабочих рук...

Девицы загомонили, наперебой убеждая Ежевичку, что не повыскакивают, а если и повыскакивают, так смена подрастает. Лягнула Дичка:

– Вот Шишка с Щепкой...

Осеклась, словно на стену налетела. Вывернулась, помянув малолетнюю дочку Листа, но все равно будто рябь по комнате пробежала. Ежевичка глянула на зажатого в угол Заката, прокашлялась. Дождалась тишины и пояснила спокойно:

– Девочки с восточного леса. Волчаткам травы не по нюху, расчихаются и всех делов.

Пока Закат переваривал новость – «Приемыши – волчьи дети, оборотни, все об этом знают, и всем все равно?!» – вклинилась Дичка:

– Сказочные всегда делают сказки! А нам лекарства нужны обычные, а не разрыв-траву из поклепника делать. Правда, бабушка Ежевика?

Бабка хмыкнула, кивая. Закат обратил внимание, что сама она тоже руки держала при себе, травы не касаясь.

Сказочные. Он впервые слышал такое прозвище, и решил уточнить, спросив на пробу:

– А Герой – он сказочный?

– Не-е. Светлые – они не сказочные. Они обычные, – на Дичку зашикали, но нахалка и бровью не повела, добавила: – А вот Темный, Темный точно сказочный!

Закат хмыкнул удивленно, расслышав восторженные нотки в голосе, и едва не утонул в потоке воспоминаний.

Девчонка. Кудрявая черноволоска, глаза олененка. Темный Властелин прогуливал Злодея по двору, когда эта мелюзга подобралась к вечно распахнутым, вросшим в землю воротам. Споткнулась на пороге, упала плашмя и разревелась с непостижимой искренностью четырехлетки. Пришлось подойти, присесть рядом на корточки.

– Ты что тут делаешь?

Ребенок, отвлеченный вопросом, поднял голову. Подумал.

– Гуляю.

– А почему ты гуляешь в моем замке, а не в родной деревне?

– Папа пливел. Папа с мамой длова лубят, а мне сказали поиграть на тлопинке. Я и иглала... Потом папа потелялся, и я плишила его искать.

Буква «р» малышке никак не удавалась. «И с родителями, похоже, не повезло...» – сочувственно подумал хозяин полуразрушенного замка. Год выдался тяжелый, прошлой осенью

дождь лил не переставая, многие не смогли собрать урожай, а что собрали, то наполовину сгнило. Потом зима затянулась...

Он очнулся, почувствовав, как в колено упираются маленькие ладошки, встретился с уверенным взглядом карих глаз.

– Ты волшебник, да? Ты найдешь моих папу и маму?

– ...А он говорит «я Темный Властелин»! – в воспоминания ввинтился звонкий, не больно-то изменившийся за прошедшие годы голос. Дичка сделала страшное лицо, но не выдержала, прыснула от смеха. – А я знаете что?

– Что? – Девичья ватага даже дышать перестала, хотя наверняка слышала эту историю не в первый раз.

– А я сказала, мол, не верю! И он показал мне замок, и всякие черные знамена, и черепа врагов, и даже своего шута!

– А ты?

– А я сказала «Я знаю! Ты Герой, который захватил замок Темного Властелина и им притворяется!»

Закат фыркнул. В четыре года малышка, заявившаяся к нему домой, выражалась немного иначе, но суть оставалась такой же.

– И он отвез тебя в Залесье на черном коне. Ссадил на землю перед склонившимся в поклоне старостой и сказал «Узнаю, что с ней что-то случилось – убью».

Только по внезапной тишине Закат понял, что сказал это вслух. Отпустил оникс, за который невесть когда схватился, пожал плечами.

Дичка выдохнула:

– О... – и прежде чем Закат придумал оправдание своим знаниям, оправдала его сама: – Так ты про Темного Властелина все-все знаешь? Расскажи еще!

Просьбу поддержали остальные девицы, Ежевичка поставила условие – слушать ушами, говорить ртом, а работать руками. Выдала Закату пару кореньев, не чувствительных к «сказочным», сама присела тут же, подперла щеку морщинистой рукой. Закат глянул на нее исподлобья, примеряясь. Перебрал скудную память, словно камушки в горстях пересыпал. Выбрал историю, будто только что возникшую в голове, на пробу чиркнул остро заточенным лезвием по твердому корню. Перекатил начало были-сказки во рту. Решился.

– Это случилось очень давно, еще до того, как Герой перестал быть один и появились светлые рыцари...

Темный Властелин сам посещает деревни, не заплатившие дань в срок. Обычно, когда он въезжает в ворота, посреди улицы уже стоят мешки с зерном и единственный человек – старый, больной, калека или просто вытянувший желтую горошину на поспешно устроенной жеребьевке. Его жизнь – вира, которую они платят за промедление... Если, конечно, несчастный не сумеет объяснить, почему дань не отдали сразу.

Обычно они слишком пугались, чтобы хоть что-нибудь сказать. Но этот человек был особенным.

– Змеи в поле приползли, гнезда свили, из них птицы вылупились, в лес ускакали, а из леса вышли, глядь, целые медведи, да как начали песни петь!

Свита затыкает уши, отворачивается, отъезжает подальше, не то пытаясь сохранить рассудок, не то не желая запачкать платья, когда голова дерзкого краснобая слетит с плеч. Темный Властелин слушает с интересом, а крестьянин и не думает умолкнуть.

– Мы те песни услышали, думаем – ничего себе рыбы уродились! И давай их корзинам ловить, а они в небо взлетели, плавниками машут, кричат, славу Темному Властелину разно-

сят! Мы и думаем – таких нельзя ловить, таким, может, поклоняться надо! Стали строить храм, да прямо в поле, где они уродились, а храм глядь, под землю ушел! Мы тогда...

Темный Властелин хохочет, подвезжая ближе к своей жертве, наклоняется к самому его лицу, заглядывает в пронзительно-голубые глаза. Баечник не сбивается ни на миг, даже когда нависающий над ним Темный Властелин резким, обманно опасным движением выбрасывает вперед ладонь. Кинжала в ней нет, только монеты, что съяты на голову крестьянину, такие же золотые, как его волосы.

*Тогда Темный Властелин уехал, не забрав дань.
А через три дня впервые заговорили о Герое.*

Когда он вышел от знахарки, солнце уже утонуло в полях. Девушки разбежались по домам, пока Ежевичка не торопясь отбирала и смешивала травы. Закат стоял к ней спиной, вглядываясь в далекую деревню.

– Зачем тебе это понадобилось, бабка?

За спиной засмеялись не старческим, молодым смехом.

– А зачем тебе, Темный? Ты от своей судьбы сбежал, словно чашка весов под стол ушла. Думаешь, весы от этого точнее станут?

Последний луч скрылся за горизонтом, Закат наконец обернулся. В дверях стояла стройная девушка, старушечьи одежды висели на ней, едва доходя до колен.

Бабка, спрятавшаяся под боком у судьбы. Женщина, готовящая Героя на битву. Девушка, жертва Темного Властелина, умершая когда-то на алтаре от его ножа.

Сколько их было, таких жертв? Третьего дня третьей луны, когда весна уже пришла, но и зима не спешит отступать, и красная кровь впитывалась то в белый снег, то к черную землю. Он искал подходящих девушек или детей, черноволосых и кареглазых, выкупал их, воровал, убеждал и приводил силой.

Когда он решил, что слишком часто умирает из-за ненужного ритуала, судьба лишь раз послала ему жертву. День в день, третьего дня третьей луны.

– А ты хотела бы, чтобы в Залесье было две бабки?

Ежевичка улыбнулась, показав ровные белые зубы. Покачала головой, протягивая мешочек с травами, а когда он взялся за него, накрыла его ладонь.

– Я не жалею о своей жизни. И не жалею, что Дичка осталась просто Дичкой. Но ты поступаешь неправильно.

Закат вырвал руку из ее хватки, отвернулся молча и резко, зашагал по тропинке к деревне. Вслед донеслось тихое, ознобом проходящее по хребту:

– Ты оставил после себя пустоту, но не думай, что ее никто не заполнит.

Повел плечами, словно пытаясь стряхнуть с них голос бабки-девы, упрямо сжал губы.

Он еще верил, что не пожалеет о своем выборе.

До Лужи он добрался лишь на следующий день, передал травы. Старуха тут же отправилась их заваривать, оставив Заката разбираться с корзинами – перед сбором урожая многие опомнились и принесли свое старье на починку.

Он латал дыру в одной из них, стараясь не думать о том, что сплести новую было бы проще, когда Лужа наконец вернулась из дома, грузно села на ступени крыльца. Понаблюдала молча за работой, вздохнула вдруг.

– Научился, ишь ты! Шустрый. Я-то уже боялась, что после меня и корзинщика в деревне не останется. Бочки-то сынок мой делает, да на бочке только с горы кататься хорошо и сусло варить, зерна в ней не сохранишь. А теперь знаю, можно уходить спокойно...

Закат, уже несколько раз слышавший разговоры про «после меня», сначала привычно пропустил слова старухи мимо ушей. У него была проблема посерьезней – одна из полос корзины растрескалась окончательно, и теперь ее надо было вытащить, не развалив все остальное. Новое лыко наконец удалось вплести в частую сетку старого, даже концы спрятались незаметно, когда Закат, которого все это время подспудно грызли слова Лужи, вдруг понял их. Обернулся, уронив плод своих трудов на землю. Наткнулся на насмешливый взгляд, заставил себя спросить как можно спокойней:

– Ты скоро умрешь?

– Дошло наконец-то! – всплеснула руками старуха, улыбаясь. – Конечно, помру! Мне уже ого-го сколько годиков. Дети выросли, внучек замуж выдали. Считай, только на Ежевичкиных травках и держусь. Надоели, ты бы знал как...

– Но ты же можешь пить лекарства и дальше? И не умирать?

Лужа отмахнулась, точно от назойливой мухи.

– Ну могу. Год еще могу, может два. Пила я травки раз в пять дней, буду пять раз в день. Зачем мне это? Одна обуза, а обузой я быть не привыкла, и на старости лет привыкать не хочу. – Посмотрела на непонимающего Заката жалостливо, с кряхтением встала, подошла, растрепала волосы. – Эх ты, а еще взрослый мужик. Смерть – она всегда рядом ходит, руку протягивает, по головке гладит. По детству та ласка ни к чему, а в старости ценить начинаешь. Думаешь – вот передам все дела, корзинщика выращу, лягу и усну наконец. Отдохну за все прожитые годы. А там, кто знает, может буду, как светлые говорят, на вас с облачка смотреть, или, как волки верят, новорожденным ребенком стану. А то и деревом, э, на севере? Интересно, небось, жить деревом...

Закат слушал скрипучую речь и не понимал. Лужа не боялась совершенно искренне, она думала именно то, что говорила, но Закат не мог ей поверить. Он привык считать смерть мгновением или несколькими часами боли и не понимал, как этого можно ждать. Будто ледяной водой окатило – он ведь теперь тоже умрет так, как Лужа! Раз и навсегда, спустя многие годы. Нет, он думал об этом и раньше, но отстраненно, почти мечтательно, как об обязательной детали простой жизни. А теперь, встретившись лицом к лицу с окончательностью бытия...

Старуха обняла его.

– Эх, мальчишка ты еще! Молоденький, даром что лицо взрослое. Тебе-то жить еще да жить, не слушай старую Лужу. Тебе смерть пока не друг, а враг лютый. Это правильно. А поживешь с мое...

Он вцепился в обнимающие его руки с горячностью ребенка, увидевшего ночной кошмар, уткнулся в спускающиеся на грудь пряди седых, пахнувших распаренным лыком волос. Лужа гладила его по голове, а Закат понимал со страшной отчетливостью – если бы он раньше подумал о смерти вот так, как сейчас, то никогда не решился бы перестать быть Темным Властелином.

Мысли о смерти заняли его на несколько дней. Вертелось в голове так и эдак – старость, болезни, смерть как избавление от мирских забот. Посмертие, которое никто не видел, но все по-своему в него верили. Закат знал точно – когда он умирал, ничего не было. Просто не было, нельзя было даже сказать, что это было похоже на сон без сновидений. Несколько часов или дней выпадали из жизни, отданные хладному пребыванию в виде трупа. Но сейчас ему отчаянно хотелось поверить, что он просто не помнит происходящее за той границей, где кончается боль от очередной смертельной раны. Ведь так могло быть? И могли быть правы светлые, или волки, или северяне – кто угодно, верящие, что за смертью начинается новая жизнь.

Закат подумал, что, должно быть, напоминает дерево-однолетку, еще не замерзавшее зимой и боящееся не проснуться по весне. После этого у него получилось заставить себя перестать бояться. По крайней мере, перестать думать о смерти. Все равно от этого не было никакого толка.

До сбора урожая оставалась всего пара дней, когда наплыв старых корзин кончился, и Лужа, встретив на пороге поутру, отправила Заката обратно к дому старосты. Там оказалось, что мужчины уже ушли на луга – недавно они косили траву и теперь нужно было ворошить сено. Горляна не стала посылать свалившегося на нее работника к остальным, вместо этого поручив чистить мелкие зеленые яблоки, собранные детьми.

В погребе было прохладно, одуряюще пахло нагретыми на солнце плодами. Закат сидел на лавке под маленьким оконцем и чистил очередное яблоко, когда крышка скрипнула. По ступенькам в подпол спустился рыцарь. Огляделся, улыбнулся светло, здороваясь. Тут же перешел к сути дела:

– Дичка сказала, вы рассказывали ей о Темном Властелине.

– Да, – отозвался Закат, не отрываясь от работы. – И что? Это тоже запрещено светом?

– Нет, – улыбнулся Светозар. Присел рядом, взял одно яблоко, перекатил в ладонях.

Откусил. Закат сдержал улыбку, краем глаза наблюдая, как рыцарь силится не кривиться от вкуса дикого плода. Наконец, тот сумел разжать сведенные челюсти и договорить: – Просто мне стало интересно. Расскажите?

Закат уже в открытую смерил его взглядом. Пожал плечами, будто говоря «Ты сам напросился».

– С чего начать? Дела давно минувших дней тебе наверняка рассказывали в вашей обители, в событиях последних лет ты сам принимал участие...

– Расскажите, каким был свет сто лет назад.

– Сто? Это не так уж много. Это всего... – Закат прикинул на пальцах, затем в уме, – десять, одиннадцать... Пятнадцать смертей назад.

Светозар совершенно не по рыцарски присвистнул.

– То есть за сто лет мы побеждали пятнадцать раз? И каждый раз он возрождался?!

Закат кивнул, и рыцареныш вскочил, пробежался по комнате. Неосмотрительно укусил яблоко, которое все еще держал в руках. Через силу прожевал и выдавил:

– Но это же бессмысленно!

Закат улыбнулся. Он вдруг увидел в этом рыцаре себя самого и ответил так же, как недавно отвечал себе:

– Не более бессмысленно, чем весна, наступающая вслед за зимой.

– Лучше скажите – осень, преследующая лето! Такую осень, возрождение зла, следовало бы отменить!

Закат медленно кивнул, будто бы соглашаясь, уронил в чан длинную закрученную очистку, посмотрел на сочное желтое яблоко в ладони.

– Допустим, у тебя получится отменить осень. Что ты отменишь вместе с ней? Яблоки? Тыквы? Дожди, поливающие сухую землю?

– Тогда я отменю только зиму!

– А с ней вешние воды, дающие жизнь новой траве. Это вечный цикл, такой же как жизнь и смерть, день и ночь... Время Героя и время Темного Властелина. – Закат отвернулся, опустил глаза, которыми до того сверлил юного рыцаря. – Впрочем, этой весны не было больше ста лет. Я имею в виду Героя.

– Каждый рыцарь несет в себе частицу света магистра!

– Разве я говорил что-то о магистре?

Миг они смотрели друг другу в глаза – черные в светло-карие. Светозар отвел взгляд первым, неловко взмахнул руками:

– Ну, он же Герой... Был Героем. Приезжал и лично убивал Темного Властелина. Какая разница, что теперь это делаем мы, рыцари...

– Может быть то, что даже Темный Властелин никогда не нападал вдвадцатером на одного?

Светозар вспыхнул, открыл рот, собираясь что-то сказать... Закрыв его. Отвернулся.

– Но мы же все равно свет?..

Это прозвучало поразительно жалобно. Закат усмехнулся.

– Вы так называетесь.

Светозар мотнул головой и вдруг выскочил вон, только огрызок яблока закрутился на дощатом полу. Подкатился к ноге Заката. Тот подобрал его, мгновение отрешенно рассматривал. Затем, словно очнувшись, выкинул в помойное ведро.

Никто не просил Светозара есть дикое яблоко. Их чистят, режут, заливают медом, варят несколько часов, прежде чем получится то повидло, которое едят рыцари.

Закат подбросил на ладони новое, еще не попавшее под нож яблоко.

Ему не требовалось кусать его, чтобы вспомнить вкус.

– *Господин, деньги кончились... Продавать уже нечего, и дань сейчас не собрать, до урожая больше луны.*

– *Погреба пусты?*

– *Почти, господин. Остались прошлогодние яблоки, но...*

Верный шут мнется, Закат – Темный Властелин, тогда он еще был Темным Властелином – решительно прерывает затянувшуюся паузу:

– *Что «но»?*

– *Они дикие, господин, – признается Пай с таким тяжелым вздохом, словно это его личная вина. Темный Властелин смеется, ероша светлые волосы шута.*

– *Пай, при выборе питаться воздухом или дикими яблоками я выберу дикие яблоки. Пошли, покажешь, где ты это сокровище откопал. Надо переложить их свежим сеном, не дай тьма, сгниют.*

Глава 4

Жатва началась внезапно для Заката и ожидаемо для остальных. Со своими корзинами, яблоками и мыслями о вечном он напрочь пропустил и сплевывание через плечо при виде стужавшихся туч, и беготню с ведрами во время нескольких особенно жарких дней. Так что когда его до зари поднял лично Медведь и потащил в поле, Закат сначала шел, как разбуженный посреди зимы еж – сонный и колючий. Уже за воротами встретились с Шукой, щедро поплескавшим на соседей из ведра и едва не схлопотавшим за это затрещину от старосты.

Переговаривались шепотом, Закат отчаянно зевал, осовело оглядываясь. В поле вышли все мужчины деревни, начиная с круглолицего Колоса, недавно получившего от отца первые штаны, и заканчивая древним полуслепым Мхом. Тер глаза сонный Пай. Не было только Светозара, и Медведь, заметив, как оглядывается Закат, шепотом пояснил:

– Что свет не видит, то и запретить не может.

Закат непонимающе улыбнулся. Он чувствовал себя подростком, впервые допущенным к таинству взрослых, непонятному, но интересному и почему-то важному. Толпа, сгрудившаяся на дороге, выстроилась цепочкой, втянув Заката в свой ряд. Старый Мох, оказавшийся во главе шествия, направился вглубь поля, забурчал, заухал что-то невнятное, тут же подхваченное остальными. Закат старался повторять непонятные звуки и вскоре почувствовал их ритм, то, как начинает в такт биться сердце, как сами по себе подстраиваются шаги под мерное гудение глоток. Это объединяло, делая людей одним целым. Медведь топал перед ним, придерживая колосья, выписывая по полю кренделя вслед за всеми, так что казалось, что они – змея, медленно втягивающаяся в нору.

В центре поля обнаружилась загодя утоптанная площадка. Закат отшатнулся, едва не выпал из цепочки, но она удержала. Ритм, в который он только что бездумно влился, теперь звучал помимо воли, и вместо того, чтобы сделать шаг назад, он шагнул из собственного тела. Оказался на мгновение высоко в небе, взглянул на поле сверху. Потрясенный, узнал знак, который нарисовали их шаги – корону с изогнутыми зубцами. Люди хороводом стояли в центре, на месте крупного рубина в оголовье. Закат, вернувшийся в самого себя, вцепился омертвевшей рукой в оникс. Он понимал – и не мог поверить.

Третий день третьей луны. Шестой день шестой. Девятый девятой. Двенадцатый двенадцатой. Он это придумал, придумал так давно, что успел забыть. Придумал тогда, когда еще мог управлять ветрами, когда над Черным замком распахивались черные крылья, когда подчиненный дракон изрыгал пламя на неугодных.

Третий день третьего. Шестой день шестой. Девятый...

Я дарю вам хороший урожай, если вы выполните мой указ.

Сколько же лет это продолжалось? Как долго он мог исполнять договор, что традиция укоренилась настолько прочно, и даже сейчас, когда Темный Властелин не может и пылинки взглядом шелохнуть, они продолжают выполнять его приказ?

Он оглядывался, всматриваясь в ставшие родными лица. Они работали вместе, жили вместе, им он отдавал сплетенные корзины. Он привык к этим людям, а сейчас... Низкий гул, закрытые глаза, корона, легшая печатью на поле. Даже Пай стоял, мерно покачиваясь, зачарованный старым обрядом, который кончался кровью. Но чьей? Колоса, самого молодого? Мха, самого старого? Или его самого, пришлого чужака?

Его взяли за руки. Мужчины соединяли намеченный знак, вышел в центр древний, весь в морщинах старик Мох, воздел руки к небу. В одной из них мелькнул маленький серп, из тех, какими женщины срезали лесные травы. Гул достиг предела, Закат чувствовал, как звучит вместе со всеми, словно задетая пальцами струна, не выбирающая, петь ей или нет. Резко опустил руки старик, мелькнуло острие серпа в рассветных лучах, обагрилось кровью.

Закат смотрел на капли, бегущие по пальцам Мха, падающие на землю, и пытался отдышаться. Серп передали по цепи, чиркая по мизинцам, смешивая кровь на лезвии. Медведь поддержал улыбающегося старика, помог перевязать неглубокую царапину на ладони. Закат даже не заметил, как повторил за другими обрядовый жест, стряхнул на землю каплю крови. Щука одобрительно хлопнул его по плечу, шепнул на ухо:

– Ну что, теперь ты мне и по крови брат.

Закат только улыбнулся с растерянным облегчением. Ему было стыдно. Всего на миг, но он поверил, что эти люди могут совершить зло.

С поля выходили такой же цепочкой, чтобы не топтать лишнего. Кто-то смеялся, весело переговаривались, шуточно толкая соседа в плечо, хныкал Колос, сильнее необходимого уколотившийся серпом. Его добродушно утешали.

В сарае у кромки поля стояли загодя сложенные косы. Вручили одну и Закату – с наспех вытесанным занозистым древком, но крепкую и остро наточенную. Ручка оказалась точно на уровне пояса, так что оставалось только удивляться, как Лист ухитрился угадать рост без мерок.

Люди снова выстроились в линию, теперь вдоль поля. Рядом оказался Колос, которому отец, рыжебородый кузнец Гвоздь, деловито рассказывал, как косить. Закат попробовал незаметно прислушаться, но к нему самому подошел Медведь. Показал, как обмотать ладони полосами ткани, чтобы не стереть непривычную кожу, как держать инструмент, что надо не руками махать, а поворачиваться всем телом, и не глядеть под ноги.

Солнце поднялось высоко над лесом, когда из деревни пришла вторая толпа. Среди женщин и маленьких детей свечкой торчал растерянный Светозар. Подошла к мужу Горляна, передала из рук в руки хлеб, испеченный из последней прошлогодней муки. Сказала напевно:

– Принимай еду, отдавай косу. Утренним есть, дневным работать! Навались, девчонки!

Закат думал, что к нему подойдет Дичка, или еще кто-нибудь из девиц, ради начала жатвы нарядившихся в длинные белые рубахи с вышивкой, но раньше других подошел Светозар. Улыбнулся чуть натянуто, передавая тючок с завтраком.

– Принимай еду, отдавай косу, – глянул в небо, сжав в руках слишком длинное для него древко. Решительно шагнул в поле, неловко взмахнул. Закат хотел было помочь, но подбежала Дичка, уже отдавшая кому-то еду, стала рядышком с рыцарем, тихо начала рассказывать премудрости жатвы. Закат сел на землю меж первых уже связанных снопов, тюкнул яйцо о край кувшина с водой, очистил, роняя скорлупу на землю. Откусил сразу половину, понимая, как сильно проголодался. Жидкий желток потек на подбородок, пришлось поспешно подставлять хлеб. Рядом пристроился Пай, тоже уплетающий за обе щеки свою порцию. Вздыхнул:

– Хорошо...

Закат кивнул.

Мужчины сидели на стерне, жуя и лениво переговариваясь. Женщины, наверняка с подачи Горляны или Дички, затаили песню, напоминавшую утренний обряд – монотонную, размеренную, под которую само собой подстраивается тело. Закат слушал, шурясь в светлые спины, по которым уже и не отличить было – где рыцарь, где Дичка, Горляна или ее приемные дочери.

– Хороший парень-то, – отвечая на толком не оформившиеся мысли, буркнул рядом Медведь. – Даром что светлый.

Фыркнул Щука, на него цыкнули – мол, придержи свои предрассудки при себе. Сходил домой Гвоздь, принес старую, наспех заточенную косу и черенок – будущую ручку. Посмотрел в поле, прикидывая, пристроил черенок к древку, точным ударом вогнал в одну из заранее наверхенных дырок. Догнал Светозара. Закат хотел бы услышать их разговор, но соваться не стал. Рыцарю вручили косу по мерке, забрав неподходящий инструмент. Начали вставлять остальные, отряхивая скорлупки и бережно собирая в ладонь крошки. Поменялись местами

– с женами, матерями, дочерьми, просто соседками и будущими невестами. Закат с усилием распрямил хрустнувшую спину – все-таки неправильно косил, сутулился. Принял инструмент от Гвоздя, неспешно догнал Светозара, стал рядом. Поймал на себе изучающий взгляд, постарался не упасть в грязь лицом – хотя бы не вогнать косу в землю, что до сих пор то и дело случалось. Слева Щука улыбнулся мечтательно.

– Эх, хороший день! Все бы так.

Суеверно сплюнул через плечо Медведь, мерно взмахивая косой. За спиной лежала пшеница, которую тут же споро увязывали в снопы, собирали в высокие «толстухи» – по девять снопов в каждой.

К вечеру и Закат, и Светозар умахались так, что едва держали ложки за ужином. Посмеивался Медведь – «к концу жатвы привыкнете», сокрушалась Горляна – «что ж не сказали-то, глупые». Светозар в ответ зыркал волчонком, Закат улыбался.

Ему было хорошо. От ломоты в натруженной спине, от голода, от тяжелой сытной каши. От ощущения единства с деревней – не страшного, как на заре, когда он стал участником собственного ритуала, а обыденного. Того, что позволяет этим людям держаться вопреки всему, будь то снег, зной, Темный Властелин или светлые рыцари. Вспомнился рассказ Горляны о ее дочерях, ушедших кто в другое село, кто в город, в рыцари. Сейчас Закат не мог понять, как отсюда можно уйти. Променять тихую размеренную жизнь на...

Кольнуло ладонь, выскользнула из разжавшихся пальцев ложка. Он увидел еще округляющиеся глаза Горляны, а затем...

В маленьком поле всего два человека. Мужчина грубо кричит, быстро шагая к черноволосому мальчишке, уставившемуся в низко нависшее небо. «Только бы успеть, только бы успеть», взгляд сверлит обманчиво мягкое подбрюшьё тучи, собирается в нем клубок убийственного света... Оплеуха валит мальчика на землю.

– Работай давай, дурень! Большие за мамишкиной юбкой не спрячешься.

Мужчина сплевывает на землю рядом со скорчившимся мальчишкой. Удаляется, горбится спина под туго натянутой рубахой. Мальчик смотрит в нее без всякого выражения, красная пелена заволакивает все. Первые капли будущего ливня стучат в нестриженую макушку. Вытягивается вперед худая рука с обломанными ногтями, скрючиваются пальцы, будто силась удержать что-то невозможное.

Небо раскалывается пополам. Мальчик моргает, ослепленный – кажется, будто навеки отпечатались перед глазами белая трещина, связавшая небо и высокого человека посреди поля.

Когда мальчик снова начинает видеть, дождь уже льет сплошным потоком. Он медленно встает, весь в грязи, и идет в лес.

Руки дрожали. Улыбка вышла кривой, он торопливо наклонился за упавшей ложкой. Там, невидимый, вцепился зубами в костяшку пальца, одновременно обшаривая пол. Перед глазами все еще стояла молния, убившая... Отца? Отчима? Просто какого-то человека, который не нравился маленькому...

Темному Властелину.

Ему.

В ладонь наконец ткнулся черенок ложки, Закат вынырнул из-под стола. В глазах Горляны светилась неподдельная озабоченность.

– Нет, так дело не пойдет! Ну-ка спать, пока оба не свалились!

Послушно встал с лавки покачивающийся Светозар, в самом деле уставший настолько, что его уже ничего не удивляло. Закат поднялся следом, пошел наверх вместе со светлым рыцарем, увидел, как тот рухнул на свою кровать, не раздеваясь и не закрыв дверь. Свернул к себе. Сел на постель, сжав в кулаке холодный оникс.

В голове кружилось слишком много вопросов. Как давно это было. Кого он убил. Что было раньше. Как его тогда звали.

– И почему сейчас?..

Впервые за много дней Закат лег спать, не снимая камня. Но прошлое не пожелало возвращаться.

Он думал, что спросит оникс завтра, но наутро стало не до воспоминаний. Как и на следующий день, и позже – нужно было сжать пшеницу как можно скорее, до первого дождя. Никто не торопился, работали размеренно, зато вставали еще до зари, а домой добирались под луной. Обедали в поле, говорили мало, зато пели почти все время – когда настоящие песни, со словами, а когда просто монотонно гудели, задавая общий ритм. Снопы росли на глазах, первые из них уже отвезли на гумно молотить. Зерно наполняло амбары, близился дальний край поля. По вечерам Закат даже не всегда вспоминал про оникс, а когда вспоминал, не мог решиться ни снять его наконец, ни сжать в ладони, прося показать еще что-нибудь. Так и засыпал, не решившись. Просыпался по утрам с ноющей спиной и пустой головой, зная, что снова ему не приснилось ровным счетом ничего. Закралось даже сомнение – может, камень отдал свое центральное, самое важное воспоминание, и ждать больше нечего, но Закат гнал от себя эту мысль. Это было бы слишком жестоко даже для его недоброй судьбы.

К концу жатвы он набил хорошие мозоли на ладонях и отлично держал косу. Даже перестал так сильно уставать, привыкнув к ритму жизни, и однажды вместе с Щукой и Светозаром принял участие в состязании по скоростной жатве. Закончилось оно однозначной победой более опытного Щуки, что показалось Закату забавным – в борьбе добра и зла победил бывший разбойник, нынешний крестьянин. Да и борьба была курам на смех – на косах. А может, наоборот, это было самое осмысленное из его сражений, оставившее после себя не гору тел и выжженную землю, а приличных размеров снопы.

– Эй, не спи! Последний сноп проспидишь!

Его хлопнули по спине, проходящий мимо Щука весело улыбнулся. День клонился к вечеру, они сжали остатки пшеницы еще до обеда и уже отвезли ее в общинный амбар. На краю поля осталось всего несколько колосков – на один взмах не косы даже, серпа. По традиции, право сжать его доставалось самому молодому юноше, в этом году – Колосу. Тот годовалой березкой торчал посреди стерни, сжимая в ладонях ритуальный серп, обмотанный цветными нитками. Тот самый, которым в начале жатвы все они порезали себе руки, смешав кровь. В этот раз ритуал не прятали, в поле вышли все жители Залесья, даже грудную девочку мать принесла. Светозару, кажется, было неловко, он переминался с ноги на ногу, но притащившая его Дичка не давала уйти. Они хорошо смотрелись – юные, примерно одного роста, он светловолосый, она, наоборот, чернявая. Закат поймал себя на том, что любит парой и отвернулся. В бок пихнула Лужа:

– Что, хороши? Детки небось будут – загляденье!

Закат недоверчиво хмыкнул – ему не верилось, что Светозар в самом деле женится на селянке, оставив орден, но старуха уверенно покивала:

– Будут, будут! Увидишь после Костревища, как он ее замуж позовет.

– А когда это Костревище?

– Сегодня же! – рассмеялась Лужа, – Экий ты ненаблюдательный! Вон, видишь холм? Мальчишки дров натаскали столько, что огонь до небес будет! Как парень сноп сожнет, так и пойдем праздновать.

На холме и правда высилась куча дров, такая огромная, что ее можно было принять за небольшой сарай. Когда только успели принести, сам Закат все дни жатвы ничего кроме поля не видел.

Медведь затянул низким басом песню, одновременно похожую на ту, первую, и в то же время совсем иную – не начало, завершение. Бессловесное гудение наполнило одну глотку за другой, вплелись в него высокие, пронизанные сладкой тоской девичьи голоса. Взмахнул серпом Колос, вскинул над головой пучок пшеницы, и в ответ мелодия взвилась, оборвалась, зазвучала вновь – топотом ног, вскриками, воплями, хлопаньем ладоней.

– Беги! – крикнул Гвоздь, переживая за нерасторопного сына, но тот уже и сам зайцем помчался на холм, удирая от девичьей ватаги. Как успел разобраться Закат, первая догнавшая должна была его поцеловать, заполучив взамен пучок колосьев, который потом хранила бы, как оберег, до следующего урожая.

Хмыкнула стоявшая рядом Лужа, крикнула, сложив ладони рупором:

– А ну прекратить поддавки!

Обернулась на бегу Дичка, махнула сорванным с головы венком, покраснел будто маков цвет Светозар. Толпа медленно взбиралась на холм, по которому метался еще не загнанный в угол Колос, подгоняемый боевыми криками девушек. Улыбнулся Медведь, все еще задававший своим басом фон мелодии, привлек к себе жену, которая сначала игриво хлопнула его по рукам, а потом поцеловала, оборвав песню.

– Эх, молодежь... – вздохнула Лужа, глядя не то на убегающего Колоса, не то на Дичку, не то вовсе на целующихся Медведя с Горляной. Откатила себе бревнышко от груды дров, села. Закат устроился рядом, прямо на земле.

– А ты чего расселся? – удивилась старуха. – Ну-ка брысь! Здесь у нас места для немощных старух, а не для холостых мужчин! Вон Колосу лучше помоги, небось многие девчонки променяют его поцелуй на твой.

Закат не ответил, откинувшись на спину и закрыв глаза. Ему было хорошо и без девичьих поцелуев.

Прошелестели рядом чьи-то шаги, губ коснулись чужие губы. Закат подскочил, как ужаленный.

– Что ты словно нецелованный? – удивилась едва успевшая отстраниться Ежевичка. Весело хихикающая Лужа хлопнула по плечу помолодевшую к ночи травницу:

– Вот это правильно! Костревище же, сегодня одному оставаться нельзя, – потянулась, взъерошила волосы Закату, застывшему памятником самому себе. – Не сердись ты, ну. Сам посмотри, что творится-то.

В самом деле, по парам разбились все. Кто-то целовался, кто-то говорил, кто-то сосредоточенно разводил огромный костер – и все равно видно было, что это не шесть человек трудятся, а три пары. В стороне остались только дети, одной ватагой бегающие по холму, и они – вдовья старуха, травница и Закат. Даже Пай смущенно хихикал с какой-то милой рыжухой.

– Повезло, – улыбнулась Ежевичка. – Если б ты с мальчиком не пришел, Осинка бы одна осталась. А теперь точно все, один к одному. Не каждый год так выпадает.

– Повезло, – подтвердила Лужа. Закряхтела, потирая спину. – Сейчас еще через костер прыгать начнут. Урожаев двадцать назад я первой прыгуньей была, помнишь?

Травница присела рядом с постаревшей подругой, припомнила какого-то чурбана – Закат не понял, имя это было или оценка сообразительности. Женщины шушукались, вспоминая дела минувших дней, кто кого догнал в каком году, как глупый ревнивый Шука не дал Рыбке догнать Березника, промаялся целый год, а на следующий, вот точно за день до Костревища, позвал наконец ее замуж.

– Чтобы не пришлось опять сторожить на холме, ага!

Они покатались со смеху, улыбнулся Закат, снова улегшись на траву и глядя в небо. Разгорающийся костер подъедал звезды, оставляя только самые яркие, но и их хватало. Можно было легко проследить Большую корону, Меч и Чашу. Закат попробовал найти созвездие Героя, но то полностью заслонил костер.

Веселый визг заставил его поднять голову. Через костер перескочила первая девушка, следом тот, кто вместе с ней разводил огонь. Празднующие посыпались гурьбой, поджимая ноги, придерживая полы рубах. Горляна плескала водой на прыгающих в первый раз или неуверенных в своих силах. Жмурясь и крепко сжав зубы прыгнул Пай, чуть-чуть не долетел, наступив в угли, но промокшая одежда не успела загореться. Бывшая с ним рыжуха уговаривала попробовать еще раз. Прыгнул Светозар, следом, не дожидаясь мгновения, Дичка. Она бы свалилась в огонь, если бы он не поймал ее – впрочем, судя по довольной улыбке, девушка на это и рассчитывала. Когда пламя чуть пригасло, из желающих прыгать выстроилась целая очередь, тут же сомкнувшаяся в хоровод, закружившийся вокруг костра. Кольцо все ширилось, пока не захватило и Заката тоже. Он бежал вместе со всеми, подхватывая родившиеся в этом беге песни, перед глазами плясал огонь и чередой мелькали лица прыгающих и кружащихся на той стороне хоровода. В какой-то момент круг вытолкнул его в центр, и Закат сам не понял, как разогнался и прыгнул, взвившись над пытающимися достать его языками пламени. Он вновь раздвоился: одна его часть приземлилась за костром, влилась в хоровод, а другая словно бы взлетела на столбе дыма вверх, в звездное небо, устроилась меж созвездий – не то там, где складывался из мерцающих огней Темный Властелин, не то...

– Мама!

Хоровод замер. Кричала торопливо взбирающаяся по крутому склону Шишка, испуганно оглядываясь на лес. Добежав, уткнулась в живот Горляны. Детская гурьба, без надзору растянувшаяся едва не до опушки, теперь испуганно жалась к родителям, а во тьме между деревьев начали появляться огни.

Разорвался круг, разъединились дружески сомкнутые ладони. Сжались бессильно кулаки, кто-то тыкал пальцем, силясь пересчитать надвигающиеся факелы.

«Обманка», – вдруг понял Закат. Добрался сквозь беспокойную толпу до Медведя, сказал негромко:

– Их не больше двух десятков. Часть факелов не двигается, а остальные по парам. Их несут в обеих руках.

– Нам и два десятка не одолеть, – нахмурился староста. Но все же отмер, велел зычно: – Все в деревню! Не бежать! Отходите спокойно и тихо. Кто не умеет драться, запритесь в домах, остальные соберитесь у забора.

Крепко сжала мужнину руку Горляна, привлекла к себе младших дочек:

– Слышали? Пошли домой.

– Но мам, мы умеем... – попыталась возразить обычно тихая Щепка.

– Надо будет, и я сумею, – оборвала ее женщина, подталкивая в спину. – Но пока не надо, так что идем. Скорей, дети!

Только что праздновавшие люди стекали с холма тихой темной толпой, отступали от пламени костра и надвигающихся факелов. Медведь стоял, шурясь в ночь. Заметив, что Закат не уходит, только фыркнул:

– Не много ли им будет чести, два переговорщика, – но прогонять не стал. Ждали, староста сложив руки на груди, Закат – отчаянно жалея, что нет меча, оголовье которого привычно искала ладонь. Пришлось заменять его выдернутой из костра веткой, не пылающей, но светящейся багровым жаром.

Наконец из темноты вынырнула невысокая фигура, откинула капюшон, открыв худое лицо, наполовину занавешенное волосами, кажущимися огненными в отблесках пламени. «Девушка», чуть удивленно подумал Закат. Он не так часто встречал вооруженных женщин,

хоть среди рыцарей, хоть среди собственной стражи. С разбойниками же ему раньше видеться не доводилось.

Она на миг задержала на нем взгляд, перевела на старосту. Дернула уголком губ. Факелы за ее спиной остановились, скрывая в тени тех, кто их нес.

– Мы пришли за зерном, – голос у разбойницы оказался высокий, хриплый, будто она когда-то застудила горло, и оно так никогда больше и не оттаяло.

– Вы не похожи на сборщиков подати, – возразил староста. Женщина хмыкнула.

– Верно. Но у нас есть мечи и стрелы, так что лучше отдайте все по-хорошему.

Староста помедлил, раздумывая, и Закат вдруг отчетливо понял – он сейчас ее вызовет. Как когда-то вызвал его самого. И умрет, потому что видно было сразу – эта женщина прирожденный боец. Ее не одолеть крестьянину, даже тому, кто когда-то целый день учился у Темного Властелина.

Закат шагнул вперед, опустив пылающую ветку, умышленно став так, чтобы осветить снизу лицо, а огонь костра мог создать иллюзию короны.

– Эта земля – моя. Ты смеешь бросать мне вызов?

Ему пришлось приложить усилия, чтобы голос прозвучал пугающе. Он так старательно отучался от того, что раньше выходило само собой, и теперь возвращаться к тону Темного Властелина было сложно. Помогало то, что за ним действительно была его деревня, и от одной мысли, что ее могут разграбить, перед глазами вставала багровая пелена.

Разбойница неуверенно всматривалась в его лицо, Закат чувствовал ее колебания. Поэтому шагнул вперед, напирая, рыкнул, нависнув над ней:

– Ты бросишь вызов Темному Властелину?

Она не отступила, только выставила вперед факел, не позволяя подойти ближе. Тряхнула головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. Буркнула, глядя ему в лицо, но не в глаза:

– Завтра утром мы вернемся. Если ты тот, за кого себя выдаешь – попробуй нас остановить.

Она ушла, а Закат стоял, чувствуя, как по спине пробегают волны дрожи. Хлопнул по плечу староста:

– Хорошая попытка. Посмотрим утром, достанет ли им смелости вернуться.

Закат покачал головой. Он знал – с рассветом страх перед его словами развеется дымом, даже если атаманша и донесет их до остальной банды.

Этой ночью мало кто лег спать. Гвоздь с помощниками до утра точил найденные по сараям мечи и копья, вырезал новые древки. Кто-то принес вилы, предлагая использовать их, Закат со Светозаром торопливо учили крестьян основным выпадам и стойкам. Спать их отправил Медведь незадолго до рассвета, решительно заявив, что не спавший перед дракой воин – худший воин, чем тот, кто учился еще немного.

Закат ожидал, что не сможет заснуть, но провалился в вязкую темноту, едва голова коснулась подушки.

Ворота сотрясаются от ударов, кричат, но еще держится старый засов. Темный Властелин сидит на троне, обнаженный меч лежит на коленях. Остатки гвардии, не пожелавшие бросить своего господина, выстроились перед дверьми полукругом, готовые принять на мечи тех, кто первыми ворвется внутрь. Прячется за тронем Пай, наложив на тетиву первую стрелу.

Темный Властелин прикрывает глаза, чувствуя, как дрожат старые стены, как возмущенно каркают вороны, поселившиеся на крыше, как заинтересованно склоняется над ним

судьба, никогда прежде не видевшая осады Черного замка. Как она протягивает когтистый палец к дверям – поддержать или обрушить?..

Обрушить. Добро должно победить. Если оно вооружилось тараном, это всего лишь чуть проще сделать.

Темный Властелин встает навстречу трескающемуся засову.

Он проснулся спокойный и жесткий, раньше, чем кто-либо пришел его будить. Встал в предрассветных сумерках, размял так и не расслабившиеся за время сна плечи. Выглянул в окно. Внизу уже собирались люди, не то не сумевшие заснуть, не то, как он сам, проснувшиеся до срока.

На кухне сидел Медведь, помешивающий кашу в горшке. Увидев Заката, приложил палец к губам, пояснил шепотом:

– Пусть девочки еще немного поспят, Горляна полночи учила их камни метать. Они все хотят попробовать зверями стать и так нас защищать. Не понимают, что два волчонка – куда меньшая сила, чем добрая дюжина удачно брошенных камней.

– А еще волков точно убьют, а двух девочек могут не тронуть, – закончил Закат. Староста пожал плечами:

– И это тоже, – черпнул ложкой, посмотрел на стекающую с нее кашу. Усмехнулся криво. – Вроде и поесть надо, и кусок в горло не лезет.

– Не надо. Если ранят в живот, на голодный желудок шансов выжить больше, – мрачно поделился Закат опытом. Староста молча отодвинул от себя еще больше потерявшую в аппетитности еду.

Из дома они вышли вдвоем. На улице уже собрались все, кто хоть более-менее умел держать в руках оружие, и теперь с тревогой поглядывали на розовеющее на востоке небо.

– Выходим к воротам! – зычный голос старосты всколыхнул толпу. Светозар рассказал им о строе, и сейчас они построились так, как ночью – более крепкие люди с мечами и щитами впереди, длиннорукие парни и несколько женщин с копьями и вилами сзади. Замыкали строй охотники с луками.

– Я попробую напугать их еще раз, – догнал старосту Закат. – А вы действуйте как договаривались. Станете за воротами, и, когда прорвутся, не наваливайтесь толпой, мешая стоящим впереди, а бьетесь рядами, заменяя раненых.

Медведь отрывисто кивнул. Они оба понимали, что если разбойники нападут, пойти не так может все что угодно. Из голов вылетит большинство вдолбленных за ночь правил, уповать придется только на случай и команды Светозара. Тот как раз подтянулся к ним:

– Как ты собираешься их пугать? Ты сильный боец, если поставить тебя в первый ряд...

Закат оборвал его едва слышно:

– Если дойдет до ряда, хоть первого, хоть третьего, Залесье обречено.

Светозар сначала побледнел, затем побагровел. Бросил взгляд на людей, на старосту, который должен был слышать эти слова. Тот только коротко кивнул, подтверждая: драка – это крайний случай, и надежды мало.

– Но зачем тогда ночью...

– Чтобы им было не так страшно, – спокойно признался Закат, обернувшись и глядя в глаза пораженному рыцарю. – Чтобы был хотя бы крохотный шанс выстоять. И за это отвечаешь ты. А я постараюсь сделать так, чтобы до сражения не дошло.

Когда он вышел из закрывающихся ворот, никто не спросил его, почему он не остается внутри. Только выскользнул следом Пай, пошел рядом, набычившись так, что Закат не стал даже пытаться его прогнать.

На другом конце сжатого поля уже стояли разбойники. Молчала атаманша, глядя на остановившегося напротив нее человека – серая рубаша, серые штаны. Он не мог позволить ей начать удивляться, чего она испугалась вчера.

– Вы осмелились прийти?

Голос раскатился над полем, напитал воздух ощутимой всем телом угрозой. Зашевелились, переглядываясь, разбойники. Кто-то тронул атаманшу за рукав, но та резко вырвалась, наклонила голову, как готовое атаковать животное. И, не тратя времени на слова, пошла вперед.

Закат смотрел, как разбойники наступают. Еще опасно, настороженно, готовые в любой момент сбежать. Он знал – это не продлится долго. Еще несколько мгновений, и волна обозленных собственным страхом людей захлестнет деревню.

Он решился.

– Пай, корону!

Ожидал, что тот помчится в избу, заранее сожалел, что не подумал раньше, а теперь им наверняка не хватит времени. Но верный шут просто шагнул к своему господину, вытаскивая из котомки сверток. Упала на землю ветхая тряпица.

– Вот корона моя.

Первая фраза коронации грохнула зарождающейся осыпью. Размылась картина перед глазами, весь мир заслонило призрачное черное знамя с трепещущими на ветру зубцами.

– Я – тот, кто пришел покорить вас. Я – тот, кто пришел покарать вас.

Закат воздел корону к небу, мысленно прощаясь – с деревней, с этой жизнью. С самим собой.

– Отныне и вовек, я...

– Закат!

На плечо легла широкая ладонь, прерывая ритуал. Кто-то вытащил корону из враз ослабевших пальцев. Заглянула в лицо невесть как оказавшаяся рядом Горляна, не то испуганная, не то сердитая.

– Они сдались. Ты не обязан продолжать. Вот же глупый, а! Как будто мы бы сами...

– Не справились.

Это сказал не Закат. Это озвучила его мысли тощая девчонка со скрученными за спиной руками, стоящая между Листом и Медведем. Атаманша. При свете дня она выглядела иначе, и Закат смотрел, разбирая на отдельные черты лицо той, из-за которой едва снова не стал Темным Властелином.

Нет, не девчонка. Маленького роста, но не ребенок, даже не девица, скорее молодая женщина, хоть и с телом подростка. Бледная кожа была покрыта веснушками, нос в пятнах неровного загара, кое-как обрезанные волосы цвета зимней беличьей шкурки падали на лицо, пряча выдающие возраст глаза.

– Зачем ты привела свою банду?

– Я сказала. За едой, конечно.

Хмыкнул Шука, покачал головой Медведь. Закат не мог понять – они не увидели его корону? Или не поняли, что она значит? Или им в самом деле было настолько все равно, что рядом с ними стоит пусть не коронованный, но все же Темный Властелин? Закат оглянулся, ища Светозара. Даже если остальные не узнали или решили забыть об увиденном, рыцарь так поступить не мог.

Он стоял в стороне от высыпавших за ворота людей. В ответ на внимательный взгляд только передернул плечами, отводя глаза. Сел на лавку, вкопанную у крайнего дома, достал из сапога нож и деревянный брусок, взялся что-то вырезать. Закат отвернулся. Хотя он не стал Темным Властелином, ясно было – уходить придется. По крайней мере за деревню можно было не беспокоиться, Светозар не из того теста сделан, чтобы указывать на них, как на укрывателей.

Даже жаль...

Мысль оборвалась на середине, Закат не мог толком понять, о чем сожалеет – что этот рыцарь не такой как другие или что другие не такие как он. Или что Светозар – не Герой.

– Что с вами делать-то, герои-разбойнички? Свету сдавать жалко, перевешают всех, как пить дать...

Голос Медведя вернул его к насущным делам. Пока Закат размышлял, они вернулись в деревню, разбойников связали и поставили одной толпой в центре улицы, словно сжатую пшеницу. Их оказалось даже меньше, чем он ожидал – всего чуть больше дюжины человек, включая атаманшу. Толстые и оборванные, лишившись на удивление недурного оружия, они напоминали зверей – загнанных в угол, голодных. Таких убивают, но Закат еще надеялся на иной исход. В конце концов, когда-то он сумел договориться с диким конем с прескверным характером, и сомневался, что хоть один разбойник сможет поспорить со Злодеем в упрямыстве.

– Медведь, мы можем их накормить?

Староста крикнул, но все же посчитал что-то на пальцах, решительно мотнул головой.

– Урожай хороший был, но такую ораву – никак. К концу зимы останется только всей деревней в разбойники податься.

– Я не имею в виду прокормить до следующего урожая, – уточнил Закат. – Я говорю про накормить сейчас.

– Да можно, конечно... Горляна! Собери этим... гостям дорогим что-нибудь поесть.

Старостиха удивляться не стала, наоборот, разве что не подмигнула Закату, довольная. Собрала женщин, и едва солнце доползло до середины неба, как в центре деревни был накрыт стол. Все равно ведь окончание сбора урожая собирались отмечать, у многих со вчерашнего дня кушанья были заготовлены.

Закат сам распутал веревки на атаманше, хозяйственно не став резать их ножом. Та смотрела недоверчиво, не двинувшись с места даже когда ей предложили сесть за стол. Остальная ватага, хоть и глотала слюни, тоже вперед не лезла.

– А дальше что, Властелин? – голос у женщины будто еще сильнее охрип, но не срывался. – Накормите вы нас, и что? Согласен, чтобы мы не вашу, а другие деревни грабили?

– Не согласен, – отрицательно покачал головой Закат. – И всех вас ни одна деревня не прокормит. Но – эй, Щука, у тебя правда есть кузен в Зорьках?

Щука, уже догадавшись, к чему ведет Закат, кивнул довольно.

– А то! Вот как раз от него весточка приходила, пшеница уродилась на славу. Они там вдобавок затеяли овец разводить, пастухи так нужны, ну просто мочи нет!

Атаманша зыркнула на одного из своих людей, кивнула медленно.

– Понятно. И на каких же правах будут мои люди? Рабов? Сироток, что благодарны за каждую краюшку?

Набычились девочки-приемыши, выпущенные из дома поглазеть на разбойников. Горляна, походя погладив их по головам, возмутилась:

– Ты по себе-то не мерь! Мне сироты что дети родные. Свои выросли, вот маленькие появились, – улыбнулась вдруг мягко, так же, как в первый день улыбалась Закату. – Всегда мечтала о взрослой дочке. Которая не выскочит сразу замуж, в город не уедет, едва научившись на лошадь забираться. Чтобы поговорить было с кем, хозяйство на кого оставить...

Атаманша недоверчиво фыркнула, отвернулась. Оглядела своих людей, будто по глазам читала, чего они хотят. Вздохнула. Указала рукой:

– Барчек, Василек и Ость пастухи. Шило и Конь кузнецы. Зорька знахарь. Речка рыбак. Костря, Хвост и Черный охотники. Жито, Дубок, Тыква, Волк и Пчела – землепашцы. А со мной что хотите делайте.

– Есть мы хотим, и твои разбойнички тоже, – проворчал Медведь, сам усаживаясь во главе стола.

Закат, убедившись, что люди уже обсуждают, кого из разбойников к каким родичам отправить и к какому делу пристроить, тихо вернулся к ограде, к той самой скамейке, на которой все еще дожидался его Светозар. Сел рядом, глянул мельком, что вырезал рыцарь, и окаменел.

Тот вертел в руках фигурку человека с воздетыми к небу руками. Только фигурка эта имела два лица, и в руках она держала с одной стороны корону, а с другой шлем.

– Вот корона моя, да? – Светозар ничего не выражающим голосом повторил первые слова коронации. Вдруг размахнувшись, запустил фигуркой в кусты. Выплюнул, как кусок кислого яблока: – Я – тот, кто пришел, чтобы к свету вас привести. Отныне и вовек, я – рыцарь света. Преклоните колена!

Побелевший кулак вонзился в доски лавки, Светозар мгновение смотрел на разбитые в кровь костяшки, потом спрятал лицо в ладонях.

– Знаешь, я бы смирился с тем, что человек, с которым я прожил две луны, с которым косил пшеницу и чьи байки слушал с открытым ртом, оказался Темным Властелином. Но это... Свет мой ясный, с этим-то как жить?! Мы все... Магистр!..

Закат некоторое время переваривал откровение. Посвящение в рыцари света, едва ли не слово в слово повторяющее клятву Темного Властелина. От этого было страшно, жутко даже, как бывает темной ночью в лесу, когда вдруг понимаешь, что за деревом прячется не тень, а голодный волк.

Но этого не могло быть!

– Он никогда не слышал, как я коронуюсь. Значит, придумал ваше посвящение сам. Просто так совпало.

– Ты в это веришь?!

Закат отвернулся. Не то чтобы он не верил в возможность такого совпадения, просто оно ему очень не нравилось. Светозар резко потер ладонями лицо, так что щеки заалели. Усмехнулся с горечью:

– Никто меня не предупреждал, что дикими яблоками можно отравиться. Что выпавшая честь попасть в отряд, который победит Темного Властелина, может закончиться тем, что Темный Властелин окажется отличным человеком и...

– Закат.

Мужчины обернулись на тоненький голос. Около лавки стояла Щепка, уставившись на рыцаря. Уверенно повторила:

– Он – Закат. Ты что, забыл?

Мгновение оба моргали, пытаясь постичь эту детскую мудрость. Светозар улыбнулся первым, встал, взъерошил девочке волосы.

– Ты права, – встретился глазами с тем, кого любой рыцарь света мечтал убить. – Он Закат. Кузен Щуки. Хороший воин... Хороший друг, готовый отдать свою жизнь за деревню, – склонил голову на миг, нахмурился, прикусив губу. Но решил, снова поднял взгляд. – Когда Орден спросит, я буду помнить только это.

– Спасибо, – Закат действительно был благодарен, понимая, чем рискует рыцарь. Тот только передернул плечами, ушел вместе с Щепкой к столу, оставив собеседника в одиночестве.

Закат смотрел им вслед. Он все еще не мог поверить, что такому количеству людей плевать на то, кто он на самом деле.

Впрочем, что значит «на самом деле»? Он ведь и сам уже считал, что он – Закат. Даже если вспомнить прошлую жизнь, даже несколько прошлых жизней...

Он давно перестал быть Темным Властелином.

Глава 5

После еды почти не спавшие ночью люди валились с ног и постепенно разбрелись по домам. Разбойников устроили на сеновале, для верности приставив охрану, хотя, по большому счету, пара селян с этой оравой ничего сделать не смогла бы. Атаманшу хотели поселить в доме старосты, в последней комнате наверху, но та, насупившись, попросилась к своим.

– Иди, конечно, кто ж тебе запрещает, – вздохнула Горляна. Закат, поймав обеспокоенный взгляд старостихи, пошел следом, украдкой зевая в кулак. Опасности больше не было и вместе с ней отступила деловитая собранность, оставляя после себя усталость и легкое головокружение, как уходящая армия вытоптанную землю.

У дверей сеновала остановился, махнул изнывающим от недосыпа Репке с Гвоздем:

– Идите домой, я вас заменю.

Те даже спорить не стали, убрели. Закат сел у стены. Стащив сапоги, вытянул ноги, откинулся спиной на прохладные доски. Прищурился, глядя в небо, слишком яркое, чтобы под таким можно было заснуть. На сеновале тихо переговаривались.

– Ты им доверяешь?

– Я никому не доверяю, Волк, – жестко отозвался высокий голос атаманши. – Но не ты ли три дня назад мечтал о собственном доме?

– Я-то мечтал...

Волк замялся, кто-то отрезал недовольно:

– Ты еще пожалуйся, что дом хотел не такой, а эдакий. Спасибо, что вообще нас не прибили. А я говорила ночью...

– Кто ж знал, что он правда Темный, а не просто больно хитрый крестьянин, – примирительно пробасил другой голос.

– Я должна была знать, – со странным убежденным отчаянием отозвалась атаманша. Ей почему-то не возразили, завозились, похоже, похлопали по плечу.

– Не переживай так, Ро, – тихо попросил кто-то совсем юный. – Все же уладилось. Я рад, что нам не пришлось никого убивать.

Закат тихо фыркнул в тон остальным разбойникам. Надо же. Он думал, что столкнулся с опытной бандой, а оказались такие же селяне, как живущие в Залесье. Некоторые почти мальчишки... Хотя оружие они держали явно не в первый раз. Интересно, что заставило их сменить косы на мечи?

Солнце нырнуло за конек крыши, Закат встал, чувствуя, что иначе заснет. Прошел туда-сюда, разминаясь, помахал руками, изобразил пару боевых стоек. На сеновале не то затихли, не то он перестал их слышать. Через несколько часов пришел посвежевший, видно, выспавшийся Медведь. Заглянул в темное, пахнущее сеном нутро сарая, фыркнул:

– Дрыхнут за милую душу. – Велел, глядя, как зевает Закат, – и ты иди спать. Хватит уже это сонное царство сторожить.

Он смотрит с холма на длинную процессию, растянувшуюся по дороге. Последние беженцы проигравшей земли, в центре колонны – карета, окна задернуты небесно-голубыми шторками. Многочисленная охрана настороженно оглядывается по сторонам. Серьезные противники, но не для его отряда.

Темный Властелин указывает на цель:

– Убить всех, кроме той, что в карете.

Черная волна скатывается с холма, сметает золотую нить. Карета стоит в центре боя, нетронутая жемчужина в море крови, награда победителю.

Но когда битва стихает и Темный Властелин открывает дверцу, то рычит от ярости.

По голубому шелку расползается темное пятно, из его центра торчит золотая рукоять кинжала. Еще не побелевшие карминово-красные губы улыбаются.

Закат проснулся в холодном поту, с желанием бежать к сеновалу, чтобы убедиться, что с этими пленными все в порядке, и никто из них не решил, что смерть лучше позора. Провел дрожащей рукой по лицу, стирая остатки сна. Кто был в той карете? Зачем она ему понадобилась? Закат не мог вспомнить, только стоял перед глазами образ – прекрасная дева в голубом платье, заколовшаяся кинжалом. Возможно, она должна была стать его очередной жертвой? Но он убивал только темноволосях...

Сжал оникс, пытаясь вспомнить. Мелькнуло на краю сознания – рыжие волосы уложены в высокую прическу, всегда грустное лицо с тонким шрамом на щеке. Он помнил ее живой, но как? Нет ответа. Быть может, сон рассказал бы больше, но пока Заката ждали дела в настоящем, а не его позабытое прошлое.

За окном светало, он проспал не только остаток дня, но и всю ночь. Завтрак уже стоял на столах – снова на улице, чтобы накормить всех «гостей». Сытный ужин и сон помогли, разбойники больше не сбивались в стаю. Семьи, решившие приютить одного или двух из них, постепенно втягивали будущих работников в разговоры. Гвоздь с интересом слушал разглагольствования широкоплечей женщины о металлах, Ежевичка с тощим юнцом живо обсуждали травы, хихикала над рассказанной на ухо шуткой Осинка, а Пай дулся, чуя в чернявом прищельце соперника за сердце обаятельной рыжули. Закат сел рядом с Медведем, почти во главе стола, и, глядя на людей вокруг, удивлялся. Он пока не запомнил имена разбойников, а вот селян, похоже, знал всех. Переводил взгляд с одного на другого, слушал, как всплывают в голове имена – Мох, Колос, Рыбка, Гвоздь, Дичка, и не мог не улыбаться. Эти люди стали его семьей. Почему-то то, что он просто знал их по именам, значило для него больше, чем вчерашний день, когда он едва не отдал за них свою жизнь.

Долго обсуждали, кто пойдет в соседнюю деревню – некоторые разбойники приходились друг другу родственниками и не хотели расставаться. Щука вызвался проводить их, атаманша обязана была убедиться, что ее люди устроятся хорошо. Медведь смотрел на постепенно стихающий спор настороженно. Вздыхнул, попросил негромко:

– Проводишь их до Зорек?

Закат кивнул, построив все, что не сказал староста – провожать разбойников должен тот, у кого есть над ними власть. И вряд ли кто-то сможет удержать их от глупостей надежней, чем Темный Властелин.

В путь отправились сразу после завтрака, пешком и налегке, взяв с собой только еды на два дня. В Зорьках им должны были собрать припасы на обратную дорогу, а одну ночь можно было провести и под деревом, чай не зима. Кроме Щуки и разбойников с ними увязался Пай. Едва отговорили Светозара, тоже желавшего присоединиться к почетному караулу – помог только многозначительный взгляд Медведя на остающуюся в Залесье часть шайки, за которой, вообще-то, тоже нужно было присматривать. Убедившись, что ему дают едва ли не более опасное задание, рыцарь наконец смирился с необходимостью остаться.

День выдался не лучший для похода – пасмурный, душный, низко висели седые комковатые тучи. Оставалось только радоваться, что они не пришли неделю назад, в разгар страды, иначе Залесье лишилось бы урожая. К полудню заморосил мелкий противный дождь, за пару

часов вымочив путников до нитки. В сапогах Заката хлопало, лапти и босые ноги остальных обросли валенками грязи. Дорогу развезло, лужи под деревьями смотрелись совершенно него-степриимно, так что на обед останавливаться не стали, решили подождать, пока распогодится. Закат молча радовался, что две луны назад остался в деревне, а не отправился в скитания – как оказалось, он сильно и быстро уставал при ходьбе, хотя теперь проводил на ногах куда больше, чем все последние годы. Предчувствовал, что наутро будет ныть все тело, зато обратный путь пройдет легче.

– Смотрите, светлеет, – обнадеженно задрал голову Пай, тут же получив каплей в нос. Тучи, однако, в самом деле полегчали, приподнялись, ветер раздирал их на клочки, как состри-женную с овцы шерсть для прядения. Атаманша сделала было указующий жест, веля своим устраивать привал, но уронила руку, нахохлилась, глубже спрятавшись в подаренную Горляной пушистую шаль. Закат, впрочем, был с ней согласен:

– Мы сейчас на гребне холма, в низине будет хуже. Давайте остановимся.

Искать хворост и пытаться разводить костер из влажного дерева не хотелось, погода, хоть и пасмурная, оставалась теплой. В котомках нашлись мешочки сухарей и заботливо перемо-танные крынки с яблочным повидлом, вызвавшие у Заката улыбку. Воду взяли из ближайшего ручья, холодного до того, что сводило зубы. Шука утверждал, что это значит, что вода хорошая, впрочем, выбирать здесь все равно было не из чего. Он как обычно травил байки, остальные в основном молчали, перебрасываясь короткими просьбами – передай ложку, хочешь сухарь-горбушку, нет ли у кого лишнего повидла. Закат ловил скользящие по нему взгляды, недовер-чивые, почти злые, но старался вести себя как обычно. В Залесье он привык, что на него не слишком обращают внимание, так что теперь чувствовал себя неловко. Обстановку разрядил Шука, прервавший на середине очередной рассказ.

– Эй, у Заката что, рога выросли? Чего вы уставились-то на человека?

Теперь уставились на самого Шуку. Хмыкнула атаманша, отвернулась. Не то попросила, не то приказала негромко:

– В самом деле, люди. Хватит уже. Видите, этот человек с Темным не один день жил и все целы.

Закат благодарно улыбнулся, разбойница в ответ только фыркнула, вгрызаясь в послед-ний сухарь.

Когда они продолжили путь, он наконец спросил, как ее зовут. Получил быстрый недо-верчивый взгляд и короткий ответ:

– Ро.

Имя было или не местное, или не настоящее, но уточнять Закат не стал. Решил – если захочет, сама расскажет.

Кровь сочится из пореза на ладони, стекает по пальцам в приоткрытый рот, пятнает посеревшие губы. Обнаженная дева лежит на алтаре, но некому любоваться плавными лини-ями ее тела. Ни свиту, ни стражу Темный Властелин сюда не допускает. Он сам нашел пода-ренный ему судьбой камень и считает, что, случись ему быть смертельно раненым, доберется до него тоже сам.

Ему еще ни разу не приходилось испробовать на вкус собственное бессмертие.

Несколько мгновений Закат смотрел в темное небо, проглядывающее меж будто нарисо-ванных углем ветвей, и не понимал, где он. Не умирал же, так почему...

Наваждение сгнуло, едва он шевельнулся – алтарь никогда не был таким мягким. Вчера они наломали сосновых лап для лежанок, и хотя такое ложе тоже не могло тягаться с матрасом, до каменного ему было далеко.

Девушку из сна Закат узнал сразу – та самая, заколовшаяся кинжалом, чтобы не попасть ему в руки. Он попытался ее воскресить? Но как это возможно, это же его алтарь, а она была обычным человеком! Или необычным? Зачем она была нужна ему? Почему предпочла смерть? Знала ли, что он охотится на нее?

С каждым сном вопросов становилось все больше. Закат путался в них, чувствуя себя слепым щенком, но не мог ни понять, ни отказаться от давно забытого прошлого. Раньше большинство снов было знакомы – обычные его победы и поражения, но это... Воспоминаниям о девушке было немногим меньше лет, чем тому, самому первому, в котором он впервые убил и впервые использовал магию.

Закат вздохнул, переворачиваясь на бок и подложив под щеку ладонь. Сейчас он предпочел бы наколдовать не молнию, а постель или хотя бы навес, чтобы с веток не капало.

Поэтому магия его и покинула. Эта сила желает убивать, воскрешать, двигать горы и поворачивать вспять реки. Если размениваться на мелочи, она расточается, как казна в руках небрежливого владыки.

Или владыки, который устал отбирать у людей выращенную ими еду.

Новый день встретил путников духотой. Под удивительно жарким для середины осени солнцем земля курилась паром, одуряюще пахли луговые травы. Влажная одежда стремительно высохла и снова намочла – теперь уже от пота. Показалась деревня, приподнятая на холм, в отличие от спрятавшегося в долине Залесья, встретила отбившаяся от стада овца. Один из разбойников прикрикнул на нее, хлестнул по голенищу сапога хворостиной, и заплутавшее животное с меканьем умчалось к домам.

Настроение у разбойников было одновременно настороженное и приподнятое, Закат их вполне понимал. Мало ли, как встретят чужаков в Зорьках? Вдруг прогонят, а их всего пятеро, да и драться уже как-то несподручно. И в то же время – вдруг примут? Пустят в дома, позволят жить по-человечески, а не зверьми в лесу.

Он чувствовал себя примерно так же, когда подходил к Залесью, где в то время как раз праздновали его смерть.

Путь преградило овечье стадо, серое и мокрое – не то не просохшее после дождя, не то пастух решил выкупать своих подопечных в реке. Встрече ни овцы, ни люди не обрадовались – животные испугались незнакомцев и заполошно метались туда-сюда, не давая пройти. Послышались окрики, на дорогу выбрался здоровенный детина с курчавыми волосами цвета пыльного сена.

– Не изменяют ли мне глаза? Брат, какими судьбами!

Пастух от всей широты души обнял Щуку, аж кости затрещали. Тот, улыбаясь, потер ноющие ребра, представил сходу:

– Знакомься, Кудряш, это Закат. Он раньше у вас жил и приходится тебе кузенном, сыном покойной Ласочки, отцовой сестры.

Это заявление почему-то никакого удивления не вызвало. Кудряш только кивнул понимающе, протянул широкую ладонь:

– Ну здравствуй, родич, – пожатие у него оказалось такое же крепкое, как и объятия. Спросил, оглядывая разношерстную толпу: – А это кто? Тоже кузены?

– Не-е. Эти к нам из лесу вышли, в батраки попросились, – разбойники захмыкали, отворачиваясь. Закат отметил удовлетворенно – стесняются ведь, значит, вряд ли передумают и

снова подадутся в леса. Щука будто не заметил ничего, подмигнул названному брату: – Не отказывать же добрым людям? Полтора десятка их, вот пятерых к вам отправили. Стадо-то большое, тебе одному сложно, а?

– Мне-то? – Кудряш задумчиво пожал плечами, погладил по спине одну из стоящих рядом овец. Те рядом с родным пастухом бояться перестали и понемногу растягивались по лугу, выискивая траву повкусней. – Пожалуй, что и сложно... Ладно, идите к Стояне. Она этих молодцов с молодницами расселит.

Когда они отошли от пастуха, Закат уточнил:

– Он староста?

Щука отмахнулся:

– Да какое там! В Зорьках старосты сто лет как нет. Кудряш пастух, ну, общие дела тоже решает, но это как-то сообща выходит. Зорьки – село маленькое, староста не особо нужен. Сейчас они овец купили по случаю, вот людей и не хватает.

Село и впрямь оказалось крохотное – пять дворов да три огорода, старые, но добротные избы. Щука вывел путников точно к распахнутым дверям пастушьего дома, постучал в косяк. Выглянула Стояна в окружении целого венка ребятишек – точь в точь копия Горляны, разве что помоложе. Шикнула на расшумевшихся детей:

– Цыц! Брысь в дом, кто хотел сам муку молотить? – отряхнула и без того чистый передник, выпрямилась степенно. – Здравствуйте, Щука и все, кого не знаю. С чем к нам?

– Да вот работников вам привели, – тоже сразу перешел к делу Щука. – Вам же с овцами помощь нужна, да и вообще – земля хорошая, может и больше людей прокормить. А уж какая у вас тут рыбная река...

Стояна только вздохнула:

– Кто о чем, а Щука о рыбе! Сколько же это получается, восемь работников ты к нам привел?

– Не, всего пять! Это Закат, кузен Кудряша, мальчишка с ним, а Ро у нас в Залесье останется, только проводить пришла.

– Все одно много, – Стояна покачала головой. – Кудряша видели? Он что сказал?

– Что ты всех расселишь, – широко улыбнулся Щука, видимо, хорошо знавший – сколько бы Стояна не сомневалась, а все равно согласится.

– Я?! – женщина ахнула возмущенно и тут же засмеялась. – Да он со своими овцами совсем с ума сошел! У меня дел невпроворот! Но ты село помнишь небось? Покажи им все. Кто пасти овец умеет, пусть сразу к Кудряшу идет, небось не заблудятся. С остальными вечером разберемся. Изб у нас пустых нет, но двоих Совка наверняка приютит, а остальных между Оселком и Вьюнком поделим.

Щука с радостью взял на себя обязанности проводника, рассказывая, кто где живет, какие прекрасные шуки водятся в реке у подножия холма, и что Кудряш скоро собирается стричь овец, так что рабочие руки ему в самом деле очень нужны.

– А если кто то руно до ярмарки довезет – совсем чудно будет!

Закат нахмурился, но Щука сделал вид, что не заметил. Похоже, он и в самом деле считал хорошей идеей отпустить вчерашних разбойников на ярмарку с дорогим товаром на руках.

Общий стол вечером собирать не стали, новые работники – Закат решил, что хватит уже мысленно называть их разбойниками – ужинали вместе с приютившими их семьями. Гости, то есть сам Закат, Пай, Щука и Ро, присоединились к столу Кудряша. Многочисленные дети наконец-то расселись спокойно, дав себя посчитать – шестеро, не то погодки, не то затесались среди них двойняшки, все похожие, будто ягоды в лукошке. Судя по разговорам, родители не слишком задумывались над именами, назвав детей по номерам – Перваша, Вторын, Треташа и так далее. Закат удивился скорее не простоте решения, а тому, что селяне умели считать более чем раз-два-много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.